

МИНУС ОДНА МИНУТА

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЫХОД ИЗ РАВНОВЕСИЯ

ГАЛИЦА ТИМОШЕНКО

ЕЛЕНА ЛЕОНЕНКО

Галина Тимошенко

**Минус одна минута. Книга
первая. Выход из равновесия**

«Издательские решения»

Тимошенко Г.

Минус одна минута. Книга первая. Выход из равновесия /
Г. Тимошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859516-5

Потерпев крах на всех фронтах, Стас непонятным образом оказывается в мире, о котором всю жизнь самозабвенно мечтал — на Другой Земле, которую, по слухам, создал сам Галилей. Здесь есть возможности, которых у Стаса никогда не было бы на Земле, бессмертие — и женщина, с которой он готов жить уготованную ему в этом мире вечность. Но оказывается, Стас здесь вовсе не случайно: именно ему предстоит решать неразрешимые проблемы этого мира.

ISBN 978-5-44-859516-5

© Тимошенко Г.
© Издательские решения

Содержание

Переход	6
Новая реальность	13
Незнакомцы, дамы и сотрудники	16
Похищение	29
Правила Другой Земли	38
Заговорщики	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Минус одна минута

Книга первая. Выход из равновесия

Галина Тимошенко
Елена Леоненко

© Галина Тимошенко, 2019

© Елена Леоненко, 2019

ISBN 978-5-4485-9516-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Переход

Что-то непонятное противно трезвонило. Трезвон был достаточно омерзителен, чтобы Стасу пришлось проснуться, но не настолько, чтобы он заставил себя открыть глаза.

Так он лежал некоторое время, болезненно кривя рот при каждом новом дребезжащем переливе неопознанного звука. Потом вспомнил, что для открывания глаз нужно сильно наморщить лоб, и с невероятным усилием проделал-таки этот фокус.

Полежал с открытыми глазами. Трезвон не умолкал. Тогда Стас принялся постепенно, в щадящем режиме перемещать свои ноги в сторону пола. К тому моменту, как ему удалось с грехом пополам опереться на холодный паркет, трезвон прекратился. Тут Стас сообразил, что это звонил домашний телефон – полузабытый прибор, который последние несколько лет сообщал ему только о необходимости что-то оплатить или воспользоваться всякими ненужными услугами. Правда, в нынешней ситуации телефон мог сообщить ему и что-то иное – хотя, скорее всего, еще более неприятное.

– Зараза ты, Танька, – с чувством сказал Стас, сумев перевести себя в относительно вертикальное положение.

Заразой была одна из его прежних любовниц – психолог, которая любила говорить, что каждое утро человек должен вспомнить все, что он сам о себе знает. Особенной заразой она показалась Стасу именно сейчас, когда стало очевидно: ничего приятного ему вспомнить наверняка не удастся.

Стас подумал немного и снова сел на так и не разложенный вчера вечером диван, на котором он, судя по всему, провел очередную горестную ночь. Посмотрел на фотографию ушастого старичка с ужасно хитрыми глазами, перевязанную роскошным черным траурным бантом. Фотография почему-то стояла на полу, хотя в нынешних обстоятельствах Стас вряд ли готов был чему-нибудь удивляться. Рядом лежала большая толстая брошюра, перевязанная точно таким же бантом – его почившая в бозе диссертация.

– И ты зараза, Валерий Евсеич, – уныло пробормотал Стас. – Не мог еще недельку пожить. Вообще все по-другому было бы...

Тем не менее фотографию на заваленный кипами исписанной бумаги стол он все-таки переставил, пнув по пути ногой теперь уже бесполезный кирпич диссертации.

Кофеварка, каким-то чудом продолжавшая работать на фоне общей разрухи в Стасовом жилище, выдала порцию кофе, и Стас застыл с чашкой в руке, с отвращением глядя на кухонный стол. На столе лежал мертвый мобильник (Стас предусмотрительно не заряжал его последние два дня – с появления в интернете той статьи), и насмеялся распахнутым черным экраном ноутбук. Со всей этой техникой надо было что-то делать – если, конечно, не строить суицидальных планов, при которых можно уже и не оживлять источники отвратительной информации...

Стас задумчиво тянул невыносимо крепкий, да еще и несладкий кофе – чего никогда не стал бы делать при каких-нибудь других, более благоприятных обстоятельствах. Обычно первую порцию он проглатывал залпом, ужасаясь невыносимой горечи, которая единственная была способна по утрам возвращать его к жизни. Сейчас же опустевшая чашка автоматически означала бы, что пора искать разные шнуры, втыкать их в розетки, включать телефон и компьютер в сеть, ждать, пока они наедятся достаточно, чтобы включиться – а потом читать и слушать всю ту мерзость, которая незамедлительно из них польется.

Впрочем, пока техника будет впитывать первые живительные дозы энергии, можно попытаться позавтракать. Последние дни он пренебрегал этим ритуалом, да и сейчас не испытывал ни малейшего энтузиазма при мысли о том, чтобы приготовить яичницу или сварить любимую гречневую кашу – но хоть какая-то отсрочка...

Поскольку яичница была бы готова быстрее, Стас предпочел кашу. Но когда полчаса, занятые ее готовкой и поеданием, истекли, мобильник пришлось все-таки включить.

Как и ожидалось, непринятых вызовов было больше трех десятков. Ни одно имя не вызвало желания перезвонить – и тем более Стаса не заинтересовали неопознанные звонки. Большинство, скорее всего, звонило позлорадствовать под вывеской душевного сочувствия, а кто-то наверняка собирался напрямую рассказать, что именно думает о самоуверенности Стаса и как рад происшедшему. Ну и зачем ему все это слушать?! Все послания тоже были безжалостно стерты, после чего Стас с чувством наполовину выполненного долга включил компьютер, хотя это действие грозило ему куда более тягостными переживаниями.

Вдруг небрежно отброшенный на край стола телефон зазвонил, и Стас чертыхнулся: стоило все-таки поставить запрет на входящие вызовы... Он схватил телефон, уже приготовив палец для яростного сброса входящего вызова, но дисплей предлагал ему пообщаться с абонентом по имени Гарри.

Гарри был его давним другом, лет восемь назад отчалившим работать в славный город Амстердам и с тех пор возникавшим в Москве редкими короткими набегами. Последний набег случился больше года назад, так что Гарри было самое время появиться. Перспектива общения с ним протеста не вызывала – тем более что Гарри явно не мог быть в курсе последних Стасовых событий.

– Привет москвичам! – радостно загудело в трубке, и Стас ответил таким же традиционным:

– Привет варяжскому гостю...

– Дверь-то откроешь? Или священному ячменному напитку так и быть отвезенным обратно в Амстердам?

Стас от души выругался: меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы Гарри, увидев весь царящий вокруг разор, немедленно смекнул, что произошло нечто, о чем Стаса следует расспросить. Но деться было некуда: звонок мобильного наверняка был слышен за дверью, и Стас нехотя поплелся к двери. Дверного звонка у него отродясь не было – точнее, год после переезда он был, но потом нужно было сменить батарейку, а Стас все время забывал это сделать... Так и повелось: все, кого он ждал, просто звонили ему по телефону, а остальных он впускать и не собирался.

После серии приветственных тычков в коридоре, рассматривания очередного коллекционного (по словам Гарри) виски и безуспешного поиска тапок для гостя Гарри наконец оказался в комнате. Как и ожидалось, он тут же цепким полицейским глазом, наметанным за восемь лет работы в Интерполе, зацепил два траурных банта и вопросительно глянул на Стаса. Тот неопределенно поиграл бровями и побрел на кухню за стаканами.

Бросив косой взгляд в комнату, Стас с удивлением обнаружил, что Гарри не стал рассматривать, что же это за гигантский том, украшенный черной ленточкой, валяется на полу. Ничего хорошего это не предвещало, и Стас вошел в комнату с мрачным вопросом:

– Откуда знаешь?

– Знаю что? – прикинулся невинной овечкой Гарри.

– Слушай, не морочь мне голову! – огрызнулся Стас, обрадовавшись возможности сорвать накопившуюся за последние дни злость. – Без тебя тошно.

– Понял, – кротко согласился Гарри. – Но кидаешься ты зря, я почти ничего не знаю. Знаю, что твой любимый Евсеич умер за три дня до твоей защиты. Знаю, что тебя в итоге прокатили. Знаю, что какой-то идиот опубликовал какую-то статью. Что за идиот и что за статья – не знаю. Знаю, что ты уже неделю пьешь и на звонки и письма не отвечаешь. Больше ничего не знаю. Расскажешь? Хоть буду знать, почему ты на меня собак спускаешь.

– А это-то все ты откуда знаешь? – поинтересовался Стас, наливая первые солидные порции виски.

– Жена... ну, в смысле вдова Евсеича позвонила. Она, между прочим, тоже тебе все это время дозвониться не может. Не поверишь – волнуется!

– А телефон твой у нее откуда? – подозрительно спросил Стас.

– И снова здравствуйте. Сколько раз мы у них на даче собирались, не помнишь? Думаешь, Евсеич ни разу не звонил мне, когда ты ему с дороги не отвечал?

Они чокнулись, Стас махом вылил в себя полстакана драгоценного напитка, на что Гарри укоризненно покачал головой, и нехотя заговорил:

– Когда он умер, сразу стало ясно, что никто мне защититься не даст. Они все меня не просто терпеть не могли – они же ревновали меня к Евсеичу, считали, что у него уже старческий маразм начался, раз он мои бредовые идеи поддерживает. Видимо, мне еще повезло, что времена не сталинские – там бы меня, небось, за церковную пропаганду просто посадили бы. Вот и оттянулись на защите кто во что горазд. Ты бы слышал, какую ересь они несли...

Стаканы снова были наполнены и опустошены, а Стас постепенно заводился:

– Ты у нас существо, от высоких научных сфер далекое, поэтому можешь не знать, что для утверждения диссертации нужно предоставлять видеозапись и стенограмму защиты. Официально же никто не говорил, что меня наверняка провалят, поэтому запись велась. А когда все закончилось, я был в бешенстве и... В общем, я на своем сайте разместил эту видеозапись. Понимаешь, и сор из избы вынес, и непросвещенную общественность посвятил в тайны мудрых мира сего. Тут и началось...

Тут Стас мельком глянул на Гарри, явственно понял, что тот и видел опубликованную Стасом видеозапись, и читал все, что «началось» потом – и окрылся:

– Ты-то чего из меня идиота делаешь?! Ведь сам уже все знаешь! Думаешь, мне приятно все это повторять?

– Ничего, повторишь, не переломишься, – хладнокровно ответил Гарри. – Мне Виктория Сергеевна велела тебя слушать хоть до утра. Она, видишь ли, боится, что ты с дурна ума натворишь чего-нибудь, если не выговоришься или с кем-то не подерешься. Я – вполне подходящая кандидатура. Рискнешь фотографией?

Стас хмыкнул и снова открыл бутылку.

– Эй, тормози, шеф, уьемся, – предостерегающе нахмурился Гарри и выдернул бутылку из рук Стаса. – Я еще хочу дослушать конец этой душераздирающей истории, а ты у нас, помнится, от расстройства косеешь мгновенно. Сюжет доскажи, потом дальше надираться будешь.

– Да уже почти все... Судя по всему, то, что они писали мне на сайте, ты уже читал. Все это покатило по соцсетям и вообще по интернету, и все ученые встали дружным строем на свою собственную защиту. Есть классическая наука, есть диссертационные советы, есть рейтинг цитируемости, и такие, как я, наносят непоправимый вред делу современной науки. Понимаешь, уж очень большими идиотами выглядели на той записи все великие лингвисты российской современности. А потом им этого показалось мало. Я не знаю, где они нашли психиатра, который написал очень спокойную, профессиональную и убедительную статью о том, что меня не надо ругать, потому что меня надо лечить... Но они его нашли, увы.

Гарри вздохнул и сам наполнил стакан Стаса.

– Пей давай. Дальнейшее мне понятно. Непонятно одно: чего тебя так разобрало? Ты что – раньше думал, что все будет шоколадно и по-доброму? И с чего бы это ты думал именно так? Ты их в их собственном дерьме на блюдечке всему белому свету выложил и ждал, что они просто утрутся?!

Стас снова выпил, с силой растер руками свой бритый череп и с тоской уставился в темнеющее окно.

– Что я думал? – беспомощно повторил он. – Черт его знает... Я же романтик, понимаешь! Дурной романтик. Меня отец с детства приучил считать науку чем-то святым, прекрасным, единственным, что имеет смысл в этом безумном мире... Я всегда думал, что в науке

достаточно найти реальные доказательства, построить точную и красивую теорию – и тебе все захлопают, дадут институт, чтобы эту теорию проверять, и потом будут с нетерпением ждать статей о результатах твоих исследований...

– Да? – иронично спросил Гарри. – И какие же несокрушимые доказательства ты нашел своей идее о языке, данном инопланетянами? Или от кого там мы язык получили? Извини, забыл.

Стас как ошпаренный дернулся и недоверчиво уставился на Гарри:

– Ты тоже считаешь меня психом?

Тот тяжело вздохнул:

– О Господи... О науке – от папы, о дружбе – из «Трех мушкетеров»...

Стас молча встал и подошел к окну. Гарри бросил ему вслед:

– Ты хоть понимаешь, в какой реальности хотел бы жить? Или тебе именно эта реальность принципиально не нравится?

Стас еще поглядел немного на россыпь огней снаружи, потом повернулся и, жестко глядя на Гарри, сказал:

– Боюсь, моя реальность тебе не понравилась бы. Она, наверное, никому бы не понравилась... – он задумался, ища подходящие слова. И тут что-то произошло.

Он никогда потом так и не смог точно вспомнить, что именно почувствовал в ту секунду. Он только знал, что никогда прежде и никогда потом не испытывал ничего похожего: его крутило, растягивало, тащило, пекло, щекотало – причем все сразу. Казалось, это длилось ужасно долго – и не то чтобы это было неприятно или страшно, но...

А закончилось все это внезапной тишиной и благостным покоем.

Какое-то время Стас пытался понять, что именно с ним происходило – причем пытался так усиленно, что забыл обратить внимание на то, чем именно все это закончилось.

Когда грохот в ушах утих, и кожа перестала зудеть от непонятных событий вокруг, он все-таки сообразил, что надо оглядеться: вокруг что-то явно было не так.

Оказалось, что он стоит у того же темного окна, прислонившись в изнеможении лбом к холодному стеклу – только видит он при этом совсем не то, что видел несколько минут назад.

Ему потребовалось несколько минут на то, чтобы понять разницу: сейчас там, за окном, было не видно совсем ничего. А точнее, за этим окном не было видно привычной россыпи огней. Имелась какая-то темнота разных оттенков: то, что вверху, было светлее, и на этом фоне утешительно светила луна. То, что находилось прямо напротив окна, казалось намного более темным и плотным – и при этом как-то знакомо колыхалось.

Стас так пристально вглядывался в колышущуюся тьму, что устал. Он закрыл глаза и понял, что обернуться ему почему-то невероятно страшно. На всякий случай он охрипшим голосом позвал:

– Гарри...

Ответа не было. Хотя на самом деле на ответ он и не надеялся: как-то спиной чувствовалось, что позади никого нет.

В общем, спокойнее не стало. Надо было решить, оборачиваться или нет. Хотя чего тут решать?! Он же не собирается простоять всю оставшуюся жизнь вот так, носом к стеклу.

И Стас отчаянным рывком развернулся.

Перед ним был добротный кабинет умного начальника, который в этом кабинете работает головой, а не изображает из себя Большого Босса. Огромный стол, опоясывающий уютное кресло почти замкнутым кольцом. Над столом возвышались полки, заполненные привычными Стасову глазу словарями, лохматыми тетрадами, туго набитыми папками...

Одна стена кабинета тоже была сплошь затянута книжными полками, но корешки большинства книг были Стасу не знакомы. В недрах другой скрывался заманчиво потрескивающий камин с двумя огромными, странной формы мохнатыми креслами. Третья стена была покрыта

разнообразными досками – пробковыми, белыми, магнитными... Доски явно не простаивали без дела: они были покрыты листами бумаги, начерченными схемами довольно непонятного вида, бахромой из длинных лент какой-то штрихованной бумаги с разноцветными графиками и прочими свидетельствами напряженной работы. Вот только чьей работы-то?

Стас зажмурился. Хаос, творившийся в его голове, настойчиво требовал задуматься о главном: как он здесь оказался – и где это, собственно говоря, «здесь»? Он попытался подумать над этими животрепещущими вопросами – без всякого, впрочем, осязаемого результата. Чтобы не допустить в свое сознание дикий, неопиcуемый ужас, который, как он чувствовал, притаился совсем рядом, Стас решил действовать дедовским способом: делать то, что сделать можно – даже если нужно делать что-то совсем другое.

Он двинулся к доскам, которые казались ему единственным понятным островком в кабинете: он всю жизнь клеил на стены в своей квартире и рабочем кабинете всякие бумажки с нужной информацией. Но по пути ему пришлось миновать стену с полками – и тут он вынужден был остановиться. Выяснилось, что корешки книг недаром показались ему незнакомыми: это были ЕГО КНИГИ. Те его книги, которые были написаны за десять лет работы под крылом великого Евсеича – единственного ученого-лингвиста, который всерьез принимал все Стасовы изыскания, – но которым даже великий авторитет Евсеича так и не помог увидеть свет. Книг этих на полках было умеренное количество: судя по всему, каждая из них была издана неоднократно – причем на нескольких языках... Некоторые книги (его собственные, между прочим!) имели не известные ему самому названия.

На одной из полок небрежными кучами были свалены всякие лауреатские дипломы, сертификаты и прочие знаки отличия и принадлежности, выписанные на его имя – и тоже на разных языках.

Другая полка от пола и до самого потолка была заставлена книгами по физиологии. Это была последняя из идей Стаса, с которой он безнадежно носился уже несколько лет: его манила перспектива совместных физиологических, психологических, исторических и, конечно же, лингвистических исследований Великой и Ужасной Темы Менталитета. Разумеется, никто не собирался позволять ему такие исследования провести, и последнюю надежду Стас возлагал на так и не защищенную диссертацию – а теперь и этой надежды у него не осталось.

Доски тоже ничего не объяснили: на них в основном были данные как раз тех физиологических экспериментов, которых Стас никогда не проводил и представление о которых на данный момент имел весьма приблизительное. То есть что-то он понимал, но этого понимания было решительно недостаточно, чтобы понять развешанные по доскам причудливые графики и диаграммы.

Самым понятным и безопасным предметом в кабинете явно выглядел камин. Стас слегка корявыми шагами добрался до него и обессиленно плюхнулся в кресло – так, чтобы наконец-то оказаться спиной к загадочному кабинету.

Щипать себя он не собирался: ему никогда не было понятно, почему нельзя ущипнуть себя во сне и даже почувствовать боль от щипка. Правда, никакого другого способа проверить, в какой реальности он находится, ему в голову тоже не приходило.

Он все сидел и сидел, бездумно глядя на мечущиеся огненные брызги и втайне надеясь, что спустя какое-то время все само собой вернется на круги своя, за спиной снова возникнет Гарри. И черт с тем, что он ни капельки не верит в Стасову работу, – но пожалуйста, пусть он там окажется!

Однако вывели Стаса из охранительного забытья вовсе не ехидные слова Гарри, а совершенно незнакомый молодой басок:

– Станислав Дмитриевич, вы вроде бы хотели посмотреть результаты последнего эксперимента?

Подскочить на месте Стасу помешала только мягкость низкого кресла. Он резко обернулся на голос и увидел длинного и узкого по всей своей длине парня в белом халате, замершего у полуоткрытой двери. Тот смотрел на Стаса с плохо скрываемым пиететом и терпеливо ждал ответа.

Поскольку соображал Стас все еще весьма неважно, то и брякнул он первое пришедшее на ум:

– Сейчас приду...

Тут он замешкался, размышляя, как бы выяснить, где именно он должен эти результаты увидеть. Парень истолковал его замешательство по-своему и с готовностью подсказал:

– Вадим.

– Что – Вадим? – изумился Стас.

– Я – Вадим, – смиренно повторил длинный. – Мы вас ждем в пятой физиологической.

– Да-да, я помню, иди, – торопливо пробормотал Стас и поспешно отвернулся к камину, нетерпеливо дожидаясь звука закрываемой двери.

Пятая физиологическая. Очень интересно... То есть имеются и первая, и третья – а может, даже и шестая? Наконец-то Стас развеселился. Откровенная бредовость происходящего превысила некий предел, за которым события имело бы смысл как-то анализировать и пытаться объяснить. Дальше можно было только забавляться и действовать так, как требуют предлагаемые обстоятельства. И Стас вышел в коридор.

Коридор оказался длинным и вполне подтвердил его предположения. Лабораторий было много: ему по пути встретились славистская, романская, скандинавская, тюркская, историческая, культурологическая, первая и вторая психологические и три физиологические – почему-то вторая, третья и седьмая. Пятую физиологическую он искал долго, пока не набрел на лестницу. В самом деле, почему бы здесь не быть второму этажу – и даже (чем черт не шутит) третьему?

Искомая лаборатория обнаружилась действительно на третьем этаже, и Стас замер перед дверью, все-таки несколько опасаясь ее открыть. Кто ж знает, какие ему там предложат обстоятельства?!

Обстоятельства оказались весьма затруднительными: огромная комната была битком набита неведомыми аппаратами, около которых в напряженном ожидании застыло человек шесть разного возраста, пола и симпатичности. Одним из них был уже знакомый Стасу длинный и узкий обладатель баса – он-то и подскочил к Стасу первым, держа в руках целый ворох графиков.

Стас еще по пути решил говорить как можно меньше – и только в ответ на чьи-то реплики: так ему казалось безопаснее. Поэтому он выжидающе смотрел на длинного, стараясь не косить глазами в сторону безмерно пугавших его графиков.

Видимо, все местное население убеждено в том, что уж он-то в этих данных – просто как рыба в воде: все знает, все понимает и все может объяснить. Откуда им знать, что он пока только длиннющий план экспериментов составил и с основами современных исследовательских технологий еле-еле ознакомился?!

Длинный, конечно же, паузы не выдержал и радостно ткнул графики Стасу под нос:

– Вот, смотрите!

Стас долго рассматривал бумаги, судорожно соображая, что же он должен сейчас произвести. Поскольку ничего толкового не придумалось, он изрек относительно безобидное:

– И что там?

Длинный пришел в явное замешательство и поднял листы с графиками повыше – видимо, чтобы Стасу было лучше видно:

– Так вот же...

Стаса несколько удивило, что замешательство длинного было вполне сопоставимо с его собственным, и он решил добавить начальственного недовольства:

– Так это вы мне расскажите, что вы тут видите!

Реакция всей лаборатории оказалась совершенно неожиданной: все испуганно застыли с острым недоумением на лицах.

– Что происходит, черт возьми?! – еще повысил голос Стас.

Недоумение превратилось в виноватость, но слова так никто и не промолвил. И на что тут прикажете реагировать?!

Стас наконец решился взять графики в руки и сделал вид, что пристально в них вглядывается.

– Это что за показатель? – грозно спросил он, не отрываясь от листков. Ответом ему снова было гробовое молчание. Ситуация начала выглядеть еще более непонятной, чем раньше. Стасу ничего не оставалось делать, как всерьез попытаться рассмотреть предложенные ему результаты.

Не говоря ни слова, он присел за ближайший стол и разложил перед собой несколько верхних листов из выданной ему пачки.

Спустя две минуты он чувствовал себя таким же ошеломленным, как в первые минуты пребывания в своем (ну ведь своем же?!) кабинете: на всех листах был один и тот же график, выглядевший как отражение абсолютно одинаковых колебаний неведомого показателя. Он поспешно перелистал всю пачку: дальше по-прежнему было все то же самое.

Он поднял потерянный взгляд на своих (точно своих?) подчиненных, устыдился читавшегося на их лицах крайнего ужаса, отшвырнул стул и почти выбежал из кабинета.

Стас ссыпался по лестнице на первый этаж и ворвался в комнату с табличкой «Психологическая лаборатория №1». Там сидела одинокая дама лет тридцати и задумчиво черкала что-то на бумаге.

Стас с места в карьер набросился на нее:

– Покажите мне, пожалуйста, что вы сегодня сделали?

Знакомый испуг в глазах, дрожащие руки – и протянутый ему лист с какой-то сложной схемой, состоящей из совершенно пустых квадратов.

– И что это значит? – ехидно поинтересовался Стас.

– Не знаю... – почти со слезами в голосе выдавила из себя дама.

– Как это – не знаете?! – поразился Стас.

Какое-то время он ждал ответа, потом понял, что дожидаться может только рыданий, и выскочил из кабинета так же стремительно, как вошел.

В коридоре он остановился перевести дух и хоть что-то попытаться подытожить. Впрочем, итог был один: у него, судя по всему, есть свой институт – и в этом институте никто не знает, чем занимается.

Подозрение, что он попал в реальность своей мечты, давно смутно таившееся где-то в глубине ошеломленных извилин, вывалилось наконец на поверхность Стасова сознания – чтобы тут же растаять, как ничем не подтвержденное.

Но тогда что, черт возьми, происходит?!

Стас рванул воротник свитера, который и без того был отчаянно растянут – как, впрочем, все воротники всех его свитеров, потому что он с детства не переносил никаких прикосновений к своей шее. Ему было нестерпимо душно и страшно. Интересно, есть в этом здании хоть какой-то выход на улицу?

Он почти побежал по коридору в поисках чего-то, напоминающего входную дверь. К его великому облегчению, дверь нашлась довольно быстро, и он выскочил наружу.

Новая реальность

Снаружи было небо и большой парк. В первую секунду Стас испытал острое облегчение: оказывается, та тяжелая плотная тьма за окном, колыхавшаяся его кабинета, состояла из огромных деревьев – сосен, кленов, тополей, туй, пальм... Никогда прежде он не видел столько разных деревьев в одном и том же обычном парке: несколько ботанических садов, в которых ему довелось бывать, в расчет не шли.

Он воззрился на небо: вдруг хоть это даст ему какую-никакую полезную информацию. Но через пару минут созерцания звездной россыпи он осознал, что понятия не имеет, как именно расположены звезды над Москвой – то есть сравнить видимое ему все равно не с чем...

Уже ничего не соображая, Стас двинулся через парк. Нельзя сказать, что бы он шел куда глаза глядят, потому что его глаза никуда не глядели. Он даже не смог бы сказать, о чем он думает: слишком большой кавардак творился внутри. Он просто шел.

Через несколько минут прямо перед собой он увидел красивую кованую решетку, ограждавшую территорию парка. По-прежнему не задумываясь, он тут же свернул налево и быстро пошел вдоль ограды. Споткнувшись и едва удержав равновесие, он опомнился: пора было сообразить, куда же все-таки он направляется. Ближайшей задачей был назначен поиск ворот в кованой ограде. Теперь Стас зашагал несколько более уверенно, и ворота довольно быстро нашлись.

Он не успел удивиться тому, что в такой поздний час парк остается открытым, как ноги вынесли его из парка наружу.

Вокруг было странно пусто. То есть где-то вдали виднелись темнеющие строения, и в них даже кое-где светились окна – но все пространство до этих строений было совершенно пустым. Ни одного дерева, ни одного холма, ни одного столба... Даже травы не было: ровная сухая земля, и все. Да, еще на горизонте были видны горы – но какие-то неопределенные. Вообще все, кроме далеких строений, выглядело как небрежный карандашный эскиз пустынного ландшафта. Казалось, что по этой земле еще не ходил ни один человек, и Стас поймал себя на том, что тоже побаивается сделать хотя бы шаг: вдруг это нарушит неведомый ему здешний безмолвный и безлюдный порядок.

Ему стало очень неудобно: казалось, что откуда-то за ним наблюдают чьи-то недобро-внимательные глаза, следящие, чтобы он не сделал ничего лишнего. Это ощущение было невыносимым, и Стас счел за лучшее тихонько, почти на цыпочках двинуться обратно в сторону ворот. Правда, повернуться к тревожному пейзажу спиной он так и не рискнул: так и вошел в ворота, пятясь, будто из покоев королевы выходил.

Очутившись в сразу показавшемся родным и безопасным парке, Стас припустил к зданию института.

Найти входную дверь оказалось не так просто: было нелегко сообразить, каким путем он добрался до ворот, поэтому Стас порядочно поплутал среди деревьев, время от времени пугавших его прикосновением огромных веток. Несколько раз он пугливо слабел коленками от криков сов: те вопили в разных тональностях и, казалось даже, на разные мотивы.

Наконец он добрался до какого-то здания и не сразу сообразил, что это вовсе не институт. Вначале это испугало его до полусмерти: ему примерещилось, что института больше нет, все снова непонятным образом изменилось, и теперь придется привыкать еще к чему-то новому – и снова совершенно непонятному.

Потом, постояв немного, он увидел, как откуда-то из зарослей к этому зданию по одному и небольшими группами подходят люди и торопливо исчезают внутри. Возможно, это жилой дом при институте, предположил он. Наверное, и у него в этом доме имеются собствен-

ные апартаменты (причем, учитывая уют в кабинете, наверняка весьма комфортабельные), но искать их сейчас ему совершенно не улыбалось.

После недолгих блужданий по парку ему удалось-таки обнаружить уже знакомый вход в институт: именно оттуда истекали людские ручейки, стекавшиеся к общежитию (или как еще тут может называться жилое здание?).

Стас долго ждал подходящего момента, чтобы не встретиться ни с кем у дверей.

Переночевать он решил в кабинете, а обдумать происходящее запланировал утром. Однако прежде стоило переждать массовый исход сотрудников института к ночлежным местам: имея опыт работы в подобных (впрочем, подобных ли?) институтах, он подозревал, что необъяснимая истерика начальника уже известна всем сотрудникам, а видеть ужас в глазах встречаемых ему сейчас никак не хотелось.

Народу в институте, судя по всему, трудилось немало: стайки людей продолжали и продолжали двигаться через заросли в одну и ту же сторону. Прошло не меньше часа, прежде чем Стасу удалось незамеченным проникнуть в собственный институт.

Хорошо ведь звучит: собственный институт, правда? Только вот еще бы понять, откуда этот институт взялся...

Вдруг Стаса осенило: нужно просто связаться с Гарри! Отыскать в карманах телефон ему, правда, не удалось, но ведь предъявлявшиеся ему давеча графики явно имели компьютерное происхождение! А раз есть компьютер, то наверняка есть и выход в интернет – а там уж можно будет выяснить все. И Стас рванул в свой кабинет.

Удивление его было безграничным: ничего похожего на компьютер у него в кабинете не имелось. Ни стационарного, наличие которого логично было бы предположить в таком солидном месте, ни захудалого планшета... Не было даже ни одной флэшки.

Не давая себе времени осмыслить столь неожиданное положение вещей, Стас выскочил в коридор и, уже не считая нужным осторожничать, пошел по лабораториям.

Первый компьютер обнаружился только в физиологической лаборатории номер два: как и следовало ожидать, он выглядел, как паук в центре буйной паутины из многочисленных шнуров, тянущихся к множеству каких-то сложных устройств. Стас радостно ткнул пальцем в кнопку включения и в нетерпении воззрился на дисплей.

Экран компьютера немного подождал, потом без особой охоты засветился и сразу погасил вспыхнувшую было у Стаса надежду: было очевидно, что этот компьютер не способен решительно ни на что, кроме обслуживания связанных с ним приборов. Никаких признаков возможного выхода в интернет Стасу найти не удалось, хотя острой компьютерной безграмотностью он, по его представлениям, не страдал.

...Еще через час стало ясно, что все имеющиеся в здании компьютеры тоже страдают аутизмом и ни за какие пряники не желают связываться с внешним миром. Стас обессиленно перетек с последнего найденного им компьютерного кресла на пол.

Строго говоря, ситуация могла объясняться всего лишь двумя способами. Первый (и самый очевидный) способ Стас исключил сразу: пил он, конечно, в последние недели будь здоров как – но все же не столько, чтобы с ним приключилась «белочка». Конечно, в рамках этого способа истолкования происходящего оставалась еще банальная шизофрения или что-то в этом роде – но если это было и так, то поделаться с этим он все равно ничего бы не смог. Посему первый вариант интерпретации происходящего пришлось категорически отмести как практически бесполезный.

Второй способ был немногим лучше: видимо, Стас вдруг оказался в каком-то другом месте. Причем находится это «другое место» явно не в Москве.

Как именно это случилось, Стас даже подумать боялся: никаких объяснений, соответствующих законам физики, ему в голову не приходило. Он даже подозревал, что таких объяснений и вовсе существовать не может.

Понять, что это за место, ему тоже фантазии не хватало. Поэтому оставалось принять ситуацию в точности такой, какой она была на самом деле: до безумия непонятной и оттого крайне пугающей.

Вывод был не то что бы утешительным, но, во всяком случае, хоть сколько-нибудь определенным. Из него вытекало два очевидных следствия: следовало позаботиться о ночлеге и о пропитании. И если с первым все было более или менее понятно, то вопрос продовольственного снабжения выглядел весьма туманным. Стас даже пожалел чуть-чуть, что так и не рискнул отправиться в дом, где, по всей видимости, ночевали все его подчиненные: они же что-то собирались есть?!

А теперь ему надеяться можно было только на то, что в его кабинете где-то имеется холодильник – или просто хоть что-то съестное. В конце концов, в тех начальственных кабинетах, где ему довелось бывать, какая-то еда имелась.

Тут ожидания его не обманули: холодильник действительно в кабинете был. И в нем даже была еда – причем именно та, которую Стас предпочитал есть именно по вечерам. И даже молоко там было, а на холодильнике стояла хлебница со свежайшим бородинским хлебом. Ну и, конечно, на небольшом столике рядом с холодильником красовались электрический чайник, кофемашина, банка с кофе, несколько пачек любимых Стасом чаев, чашки с ложками и полная до краев сахарница.

Само по себе такое изобилие было совершенно необъяснимым, но Стас решил не отвлекаться на такие мелочи и просто наелся до отвала.

Место для сна тоже удалось организовать весьма комфортно: два огромных сдвинутых кресла позволили ему даже почти вытянуться. Плед в наличии тоже имелся – как и огромная плюшевая подушка точно в цвет обивке кресел.

Теперь, если забыть о крупных неприятностях, тревожила его только одна мелочь: у него отчаянно саднил и чесался правый висок. Стас глянул в зеркало: и правда, на правом виске красовалось красное воспаленное пятно – почему-то в виде упавшей на бок восьмерки. Оставалось допустить, что в тех странных телесных событиях, коими закончилось его пребывание в любимой и привычной квартире, он как-то ободрал кожу на виске.

Интересно, а пластырь где-нибудь в этом идеально оборудованном кабинете имеется? А то сон на плюшевой подушке может оказаться не таким сладким, как хотелось бы...

Разумеется, пластырь нашелся: в верхнем ящике стола лежала большая аккуратная аптечка с трогательным красным крестом на крышке. Да уж, практически рай – за исключением полной непонятности...

Незнакомцы, дамы и сотрудники

...Наутро Стас проснулся от веселого шума в коридоре: сотрудники начали активно стягиваться к своим рабочим местам. Правда, оставалось неясным, что они там собираются делать – при их-то полной профнепригодности. Зато радовало другое: с дисциплиной здесь, видимо, все было в порядке, потому что все явились на рабочие места почти одновременно. Стас определил это по тому, что шум и топот в здании продолжались не больше десяти минут, а потом все стихло.

Он подождал еще немного и осторожно высунул голову в коридор. Там было пусто и безмолвно. Даже из-за дверей ближних лабораторий не раздавалось никаких звуков. Тогда Стас рискнул выбраться из своего убежища и на цыпочках направился к входной двери. По пути он даже слегка забавлялся: директор института, обремененный кучей научных заслуг (он же видел соответствующие дипломы и кучу собственных, ему самому неизвестных книг!) крадется к выходу, боясь привлечь к себе внимание восторженно поклоняющихся ему подчиненных.

Без осложнений выбравшись из здания, он с облегчением вздохнул и огляделся. Днем парк выглядел совсем не так устрашающе, как давеча ночью: роскошное разнообразие растительности приветственно помахивало ему ветвями, а теплый ласковый ветер навевал утешительные мысли о краткосрочности неприятностей.

На секунду Стас напрягся, сообразив, что его видно из окон института, но решил, что сотрудники спишут его уход на желание подумать в одиночестве над какими-нибудь сверхсложными научными загадками.

...Все-таки пейзаж за роскошной оградой удивлял и настораживал не меньше, чем ночью. Складывалось впечатление, что вокруг был только рельеф местности – без каких бы то ни было подробностей в виде деревьев, камней или, скажем, луж. Да и этот рельеф чем-то отдаленно напоминал японские гравюры – видимо, своей условностью и однотонностью. Все это было уныло и странно, и даже высившиеся на горизонте горы в этой унылости ничего не меняли.

Под ногами была только земля, кое-где процарапанная следами обуви и непривычно узких колес. Стас еще раз внимательно огляделся в поисках хоть каких-то ориентиров. Его внимание привлек довольно высокий зеленый холм, находящийся в некотором противоречии с общей неопределенностью ландшафта. На первый взгляд казалось, что до этого холма всего лишь пара километров – правда, в прежней жизни у Стаса не было особой практики в определении расстояний на местности. До строений, запавших ему вчера в память светящимися окнами, было еще дальше, поэтому в качестве промежуточной точки холм вполне годился. И Стас двинулся в сторону холма.

Идти было даже приятно – куда приятнее, чем по городскому асфальту. Ветер благосклонно поддувал в спину, солнце светило откуда-то сбоку, так что можно было не огорчаться отсутствию темных очков. Раздражало единственное: давешняя ссадина на виске продолжала невыносимо зудеть и чесаться, и только пластырь мешал расчесать ее до окончательного нарыва. Впрочем, на данный момент это можно было считать явно не самым большим из имевшихся зол.

Холм, разумеется, оказался совсем не в двух километрах, и шагал до него Стас часа полтора. Конечно, часы он с собой из Москвы в спешке тоже не захватил, но чувство времени (в отличие от глазомера) его обычно не подводило. Поэтому он решил, что никаких срочных целей у этого путешествия с самого начала не было – а значит, не стряется ничего ужасного, если он позволит себе отдохнуть на маняще густой и мягкой траве. И он безмятежно растянулся, надеясь задремать.

Однако задремать он не успел: не прошло и минуты, как в паре метров от него прямо из земли начал вырастать человек лет пятидесяти с очень интеллигентным и одновременно крайне высокомерным морщинистым лицом. Стас было оторопел, но очень скоро оказалось, что человек просто поднимается по ступенькам, ведущим из раскрывшейся среди травы круглой дыры куда-то вниз, в глубину холма.

– Милостивый государь, с чего бы это вы изволили разложить свою задницу на моем окне? – саркастически осведомился житель подземелья.

Стас стремительно крутнулся, пытаясь разглядеть место, на котором лежал. Никаких признаков окна он не обнаружил, но на всякий случай поспешно поднялся и смущенно поздоровался. Саркастичный интеллигент гневно фыркнул и молча проследил за торопливым бегством Стаса вниз с холма.

Ступив с травы на землю без всяких признаков растительности, опоясывающую зеленый холм, Стас настороженно оглянулся. Житель подземелья уже медленно спускался обратно, не сводя пристального взгляда с непрошеного гостя. Когда его голова исчезла, темная дыра мгновенно слилась с обманчиво ласковым ковром сочной травы.

Стаса очень тянуло глянуть, как же устроен этот люк, так безупречно замаскированный высокой травой, но нарываться на новые неприятности очень не хотелось, поэтому он предпочел отойти от холма подальше и осматриваться уже там.

Новой точкой на местности, привлечшей его внимание, стал коттедж, окруженный целой стаей цветущих деревьев и спроектированный, похоже, самим волшебником Изумрудного Города. Стас оглянулся на видневшийся вдали институт, чтобы попытаться все-таки поточнее определить длину пути до коттеджа.

Выходило, что идти в гости к волшебнику предстоит немногим меньше, чем прежде до холма. Так и не отдохнувший организм попытался было взбунтоваться, но сейчас получение любой информации представлялось наиглавнейшей задачей, и Стас обреченно пошел к саду.

Первые полчаса он усиленно уговаривал себя ни о чем не думать, поскольку порядочный ученый не имеет обыкновения фантазировать без достаточной – хотя бы для фантазий – информации. Ну институт какой-то непонятный, холм с мгновенно зарастающей дыркой... Что тут такого-то?! Живем дальше в ожидании новых сведений.

Новые сведения не замедлили поступить: спустя какое-то время Стас услышал за спиной странные звуки. Он обернулся и увидел, что в его сторону довольно быстро движутся густые клубы пыли. Из этих клубов неслись грозные гики, лягг и ритмичный приглушенный грохот. Все вместе впечатление производило не слишком радостное: прятаться на голой пустой равнине было решительно негде. Относительно успокаивало лишь то, что траектория движения гикающей тучи пыли пролегла довольно далеко от места, где стоял Стас, поэтому он мог только стоять и ждать, пока туча минует его и унесется дальше.

Когда лягающее пыльное облако приблизилось, Стас разглядел внутри него большую повозку, сделанную из толстенных бревен и влекомую четверкой роскошных лошадей с летучими гривами. За повозкой бегом неслись десяток невысоких и с виду довольно хилых людей, одетых в какие-то рубища. Судя по их измученным лицам, бег продолжался уже давно, хотя никаких признаков недобровольности такого странного способа перемещения не наблюдалось. Стас вспомнил олимпийских стайеров – мелких и худющих доходяг, которые тем не менее каждый раз ухитрялись добежать до финиша, – и решил не удивляться.

Однако не удивиться ему все же не удалось. Более того, спустя секунду он бессильно опустился на землю, потому что перевернуть увиденное казалось принципиально невозможным: повозкой управлял огромный медведь в багровой мантии, который и гикал вполне человеческим басом. Впрочем, как ему еще было гикать, если голова у него была вполне человеческая?!..

Повозка с медведем-кучером пронеслась мимо, увлекая с собой сумасшедших бегунов и тучу пыли, а Стас все еще сидел на земле, бессмысленно обшаривая глазами окрестности.

Осознать увиденное никак не получалось, не поверить собственным глазам – тоже. Похоже, актуальность отброшенного вчера варианта с белой горячкой начинала стремительно нарастать... Или все-таки нет?

В конце концов Стас решительно потряс головой и с некоторым трудом поднялся на ноги. Продолжение хоть каких-то осмысленных действий казалось единственным спасением от творящегося вокруг безумия – если, конечно, можно считать осмысленным движением с непонятной целью к неведомому саду.

...Когда он добрался до сада, солнце уже палило прямо сверху, ветер, как назло, стих, а правый висок донимал Стаса почти невыносимо. Почти – потому, что пить хотелось еще невыносимей, и с этой точки зрения сад выглядел по-настоящему разумной целью столь долгого путешествия. К тому же вблизи сад выглядел завораживающе прекрасным: из-за низенькой оградки наружу нависали тяжелые от роскошных спелых плодов ветви – как ни странно, соседствующие с еще только цветущими ветками соседних деревьев.

Видимый издали сказочный коттедж теперь полностью скрывался всем этим фруктовым великолепием, но Стасу повезло: хозяин с благостным видом прогуливался неподалеку от оградки и явно уже заметил приближающегося гостя. Никаких признаков отсутствия гостеприимства, как прежде обитатель зеленого холма, он не проявлял, поэтому Стас тоже широко заулыбался и сразу взял быка за рога:

– Привет добрым людям! Водичкой не угостите? А то совсем уже запарился гулять...

Хозяин внимательно оглядел лицо Стаса, для чего ему пришлось слегка наклониться всем телом сначала в одну, потом в другую сторону: его голова, по форме напоминающая лежащую на плечах дыню, отдельно наклоняться не могла. Видимо, результаты осмотра его удовлетворили, и он ответил неожиданным вопросом:

– И тебе привет. Когда у тебя день рождения?

Стас несколько опешил и от удивления автоматически сообщил:

– Пятого января...

– Понятно. Мортал. Ну, хоть что-то... Давно идешь? Кого видел?

Произнося это, он энергично махнул Стасу увесистой рукой, приглашая следовать за собой, и двинулся куда-то в глубь сада. Оставалось надеяться, что шел он за водой, и Стас счел за лучшее молча двинуться за ним – тем более что ему необходимо было переварить все услышанное.

К моменту, когда перспектива водопоая стала уже совсем реальной – хозяин добрался до дома, скрылся в нем и неожиданно резво выскочил обратно с огромной запотевшей стеклянной кружкой, – у Стаса имелось штук пять вопросов, способных хоть как-то прояснить ситуацию. Но задать их он не успел, поскольку вид целого литра очевидно ледяной воды напрочь лишил его разума.

Пока он самозабвенно выхлебывал преподнесенную кружку, хозяин выдал новую порцию непонятной информации:

– Хорошо, что ты мортал. А то я тебя не знаю, а сейчас увидеть незнакомого человека – самое страшное, что можно представить. А раз ты мортал – значит, точно не вирусосолец. Кстати, а почему я тебя не знаю? Вроде со здешними морталами я со всеми знаком... Или ты с Третьих гор?

Стас порадовался, что в кружке еще оставалась вода, потому что снова нужно было придумывать, что говорить. Понятным было только одно: признаваться в том, что он как раз незнакомый человек, а вовсе не с каких-то Третьих гор, явно не стоит. Кто знает, что предпримет этот садовод, если узнает правду? Что именно в этой правде такого крамольного, Стас так и не понял и на всякий случай между глотками активно покивал: дескать, да-да, с Третьих гор, не волнуйтесь.

Вкуснейшая вода, к сожалению, все-таки закончилась, и надо было что-то говорить, поэтому Стас осторожно поинтересовался:

– А что – вирусоносец?

Вопрос был достаточно неопределенным, и он надеялся получить какой-нибудь вразумительный ответ, не вызвав при этом гнева нового знакомого.

– Да уж, темные вы там, в Третьих горах... Опасно живете, ребята! Так кого видел?

Да уж, надежда очередной раз не оправдалась... Снова придется отвечать, так ничего и не понимая.

– Какого-то странного человека там, у зеленого холма, – махнул рукой Стас себе за спину. – Я отдохнуть прилег, а он вылез откуда-то и обругал меня. Вроде я на его окно лег. Какое окно?! Там всюду трава была!

– А-а, так это Арсений. Диоген наш. Ну, отшельник то есть. Конечно, на окно. У него же весь холм в окнах! Там ложиться вообще нельзя. Это ж его дом. Ладно, про Арсения я понял. А больше никого не встречал?

Стас снова задумался, стоит ли отвечать честно: а если медведь с человеческой головой – все-таки продукт его личной «белочки»? С другой стороны, что ему терять?

– Еще медведя видел, – нехотя сообщил он. – Ну не совсем чтобы медведя... голова у него была человеческая.

К его удивлению, и эту информацию садовод воспринял спокойно:

– Понятно. Матвей, наш самый дурной приор. Если в ваших горах таких придурков нет – я вам завидую. Хотя, видимо, нет – то-то ты так удивился... Да и правда, это ж надо было придумать: медведь с человеческой головой!

Стас понял, что новых доз подобной информации ему просто не перенести, и от отчаяния пошел ва-банк:

– Послушайте, я действительно мало что понимаю. В горах живу один, ни с кем не общаюсь, ни про каких вирусоносцев ничего не знаю...

Садовод изумленно вытаращил глаза:

– Мортал – и живешь один?! Это что-то новенькое... Вы же всегда семьями обитаете. Хотя... А глаз тогда тебе кто попытался подбить? – он с трудом повернул дыню в сторону пластыря на Стасовом виске и коротко хохотнул. – Впрочем, твое дело. Но я все равно не понимаю: неужели ты там даже про нового вирусоносца не слышал?

– Не слышал! – яростно заорал Стас. – Вот такой я идиот!

– Да ладно, чего ты так переживаешь-то? – удивился толстяк. – Ну не слышал – значит, не слышал. Ясное дело, это же ваши очередной раз не справились. О таком на каждом углу твердить не будешь...

Стас отчетливо уловил в словах хозяина сада нотку презрения к «вашим» – очевидно, тем самым морталам, к которым толстяк по каким-то признакам причислил и его самого.

– То есть отследить-то они его отследили, а вот не пустить к нам сюда не смогли. Так что теперь жди эпидемии. Вот все и попрятались. Арсений ведь тоже обычно не такой буйный. Он-то из тихих отшельников, не малбон какой-нибудь... Просто испугался, видно.

Стас наморщил лоб, мучительно пытаясь вспомнить, откуда ему знакомо слово «малбон». Садовод, судя по всему, расценил его гримасу как проявление недовольствия и поспешно разъяснил:

– В общем, все теперь ждут смерти. Тем более что вчера вечером и новая жизнь появилась. Видел, наверное, пока шел – огромный парк с красивой оградой. Так там внутри еще два огромных дома. Не таких сараюшек, как мой коттедж, а по-настоящему больших!

Насчет собственной «сараюшки» садовод явно поскромничал: вблизи коттедж выглядел еще более симпатичным и ухоженным. Перед входом – великолепная, под стать всему остальному, клумба, повсюду рассыпаны невозможно уютные скамеечки, креслица, качели...

Сам хозяин, болтая, непрерывно пересаживался с одного такого креслица на другое, поэтому Стасу приходилось оставаться на ногах: он никак не мог сообразить, где обосноваться, чтобы не носиться за садоводом по всему саду.

– Ты только представь себе, сколько этот новичок экторов с собой притащил, если у него такие домищи?! Я тебе точно говорю: это он вирусносец! Других-то уже с месяц в наших краях не появлялось.

Вдруг страстный садовод замер.

– Слушай, друг, ты давно идешь – небось, проголодался? Сколько ты уж домашнего-то не ел? Пошли, накормлю.

Стас вознес хвалу неизвестно кому: наконец-то дынеобразный заговорил простыми человеческими фразами! Вот ведь радость: каждое слово понятно. Даже думать не надо, что ответить.

– Не откажусь.

Но хозяин, оказывается, и не ждал никакого ответа: он уже понесся в дом, видимо, не сомневаясь, что Стас непременно последует за ним. Тот, собственно говоря, так и сделал.

Рассматривать внутренности сказочного дворца, так вопиюще противоречащего вовсе не романтической внешности дынеобразного садовода, было некогда: Стас рисковал заблудиться, если отстанет от хозяина. Поэтому более или менее подробно разглядеть ему удалось только кухню. Она была вполне современной – настолько современной, что предназначение некоторых агрегатов Стас так и не сумел разгадать. Особое восхищение (даже зависть, учитывая отвращение самого Стаса к любой домашней работе) вызывало то, что вся техника включалась сразу с нескольких разных пультов и даже умела подъезжать в нужное хозяину место.

Пока Стас замороженно осматривался, садовод продолжал трещать, непрерывно поставляя Стасу все новые и новые порции совершенно неудобоваримой информации:

– У кого и поесть настоящей еды, как не у настоящего дрича! У остальных-то все искусственное – ну все равно искусственное, как ни крути. Потому с нами все и дружат. А как же? Ничего, сейчас им всем придется посидеть на диете. Из дому-то побоятся выходить!

Слово «дрич» тоже показалось Стасу смутно знакомым, но он отложил изнасилование собственной памяти на потом: сейчас важнее было попытаться запомнить все остальное.

Вскоре толстяк с невероятно гордым видом поставил перед Стасом огромную тарелку с двумя еще шкворчащими солидными стейками и восхитительной жареной картошкой.

– Ешь, дорогой. Мясо самое что ни на есть натуральное. Вот скажи, ты у себя-то дома мясо аргентинских бычков ел? Оно ж в ресторане самое дорогое. А у меня – пожалуйста! У меня-то коровы аргентинские!

Стас, утратив бдительность от сочнее́шего мяса, неосторожно спросил:

– И где ж ты их взял?

Толстяк потрясенно застыл, воззрившись на Стаса. Потом, опомнившись, закрыл глаза и потряс головой.

– Да уж, совсем вы, горные жители, темные... Или просто глупые, ты уж меня извини. Да откуда же, откуда и все остальное! С собой притащил. Откуда ж еще?!

Ага, можно подумать, что-то прояснилось... Стас решил больше не рисковать и спокойно доест мясо, пользуясь законной отмазкой от общения.

За мясом последовал чай с вареньем из собственной черешни, собственных киви, собственных помидоров и чего-то еще неожиданного, что росло в удивительном саду толстяка.

Когда вместимость Стасова желудка была полностью исчерпана, садовод неожиданно потерял к нему интерес. Стасу даже пришлось дважды задать живо интересовавший его вопрос:

– А где у вас тут магазины? Я, конечно, наелся, как у мамы родной, но хотелось бы чего-нибудь в дорожку еще взять...

Он предусмотрительно промолчал насчет новой, неожиданно ставшей весьма насущной надобности, созревшей после фразы толстяка насчет двух огромных домов в его институтском парке. Снаружи эти дома разглядеть весьма непросто – так высоки и густо насажены деревья парка. Значит, или сам садовод, или кто-то еще прямо сегодня ночью наведывался в парк. Эта мысль вызвала у Стаса приступ острой тревоги, и ему страстно захотелось приобрести большой надежный замок для ворот. Но с другой стороны – зачем человеку с Третьих гор, коего он тут из себя не слишком удачно изображает, в дороге может понадобиться такой замок?!

Со второго раза садовод, уже занятый какими-то своими хозяйственными надобностями, расслышал вопрос Стаса и снова замер.

– Слушай, друг, ты меня пугаешь. Какие магазины?! У вас там что – магазины есть?

Пришла пора удивиться Стасу:

– А почему нет-то?

Толстяк снова недоуменно покрутил головой.

– Ну и народ там в горах... Магазины с собой приволокли.

Он с явным напряжением повспоминал что-то, потом решительно подтвердил свою прежнюю мысль:

– Нет, я про такое здесь даже и не слышал. Я вообще был уверен, что все магазины на Земле остались. Здесь ведь и денег нет, откуда ж магазинам взяться?! Кстати, а в ваших магазинах чем расплачиваются?

Стас даже поперхнулся последним глотком чая. Получи, фашист, гранату. А нечего говорить что ни попадя! И что теперь делать?

– Да ничем! – беспечно заулыбался он. – Просто берут то, что надо, и все. Уходят. Что тут странного?

Толстяк внимательно посмотрел на него.

– Что-то ты явно темнишь, братец, – задумчиво протянул он. – Был бы у тебя наш инфинит, я бы, наверно, себе уже гроб заказывал.

– Какой инфинит? – растерянно спросил Стас и снова мысленно обругал себя за неосторожность.

Садовод стал совсем уж серьезным и сел напротив Стаса. Молча поглядел на него какое-то время, потом многозначительно постучал себя пальцем по левому виску:

– Вот этот инфинит. Хочешь сказать, у вас он как-то иначе называется?

Стас перевел взгляд на висок толстяка и обмер, истово надеясь про себя, что ему удастся сохранять внешнее спокойствие: на левом виске садовода густым пурпуром темнело пятно точно такой же формы, как то, которое он сам вчера заклеил пластырем на своем собственном правом виске. Лежащая на боку восьмерка. Знак бесконечности. Ну конечно! Как же он вчера не обратил внимания на то, что ссадина какой-то слишком уж художественной формы?!

Он заставил себя собраться и постарался все так же безмятежно ответить:

– Да я уже даже и не помню, когда и с людьми-то общался... По-моему, у нас это называется «лемниската».

Похоже, ответ снова не самый удачный. Сосредоточенность никуда с лица толстяка не исчезла, и о своих неотложных домашних делах он больше не вспоминал.

– Как говорил мой папа, ты купи себе петуха и морочь голову ему. Мне не надо, ладно? Я тоже университет заканчивал. Между прочим, питерский, математико-механический факультет, так что про лемникату еще кое-что помню. В жизни не поверю, чтобы хоть где-то у нас эту штуку, – и он снова постучал пальцем по пурпурному пятну, – между собой таким длинным словом называли. Ты вообще-то кто такой, парень, а?

Стас решил ответить почти честно:

– Я лингвист. Точнее, лингвист-неудачник. С Третьих гор.

В конце концов, почему бы и не присвоить Москве еще одно имя – да еще такое красивое?

Толстяк тяжело вздохнул, посмотрел себе под ноги, потом встал и подошел к окну. Постоял там немного, глядя на тяжело колышущиеся ветви, обернулся к Стасу и мрачно сказал:

– Поел? Иди.

Стас уже и сам какое-то время судорожно искал предлог, чтобы сделать именно это, поэтому живо вскочил и с чувством сказал:

– Спасибо, все было очень вкусно.

Толстяк выразительно промолчал, и Стас поспешно вышел из кухни, боясь только, что ему не удастся найти дорогу наружу без помощи хозяина дома.

К счастью, ему это удалось – хотя и не с первой попытки, – и он торопливо зашагал из сада, спиной чувствуя пристальный взгляд хозяина.

Возвращаться было действительно пора, если Стас собирался добраться домой до темноты. Да и устал он, надо сказать, почти запредельно – не столько от долгой ходьбы, сколько от крайнего умственного напряжения.

...Пока он предавался обжорству, солнце начало спускаться к горизонту, и идти стало намного приятнее – хотя висок чесаться так и не перестал. Кстати, интересно, почему пластырь не вызвал подозрений у садовода? Неужели он уверен, что такое пятно может быть только на левом виске? Ладно, это не самый главный вопрос. Для начала лучше попытаться хоть как-то структурировать информацию.

Итак, что мы имеем?

Первое: у толстяка понятие «здесь» как-то подозрительно отличалось от понятия «на Земле». Настораживает...

Второе: в этом самом «здесь» есть разные группы людей. Есть приоры, к которым относится тот жуткий человек-медведь. Еще имеются какие-то экторы – то ли актеры, то ли какие-то деятели... Непонятно. Есть дричи, ярким представителем которых считает себя гостеприимный садовод. Есть таинственные малбоны, про которых понятно только, что они опаснее тихих отшельников – таких, как житель зеленого холма Арсений. А еще есть некие морталы, к которым дынеобразный садовод почему-то отнес и самого Стаса.

Третье: «здесь» нет ни магазинов, ни даже денег.

Четвертое: все, кто живет «здесь», боятся какого-то смертельного вируса. Причем у них, видимо, есть какие-то причины считать, что носителем этого вируса может оказаться именно он, Стас.

Внезапно Стас вспомнил, почему ему показалось знакомым слово «малбон». В юности он увлекался языком эсперанто – так вот на этом языке слово «малбон», помнится, означало «злой». У него тут же возникла мысль, что и слово «дрич» может напоминать ему что-то по той же самой причине. Дрич, дрич... Точно! «Труженик» по-чешски как раз и будет «дрич».

Видимо, сейчас можно считать везением, что он именно лингвист. Жаль, в прежней жизни ему давно уже так не казалось...

Тогда слово «мортал» явно можно считать образованным от английского, и означает это слово «смертный». Интересно девки пляшут...

С приором вообще все понятно: приоритет, превосходство... Видимо, недаром за тем огромным медведем на повозке неслась толпа пеших оборванных доходяг. На их фоне тот действительно выглядел еще более впечатляюще.

Стас увлекся привычными словесными играми, утешаясь тем, что сейчас их вполне можно считать попытками исследовать все то катастрофически непонятное, что окружило его со вчерашнего вечера. Думать над главным вопросом – что бы все это могло значить? – ему совершенно не хотелось. Строго говоря, думать на эту тему возможным вообще не представлялось. Во всяком случае, весь его опыт ученого корчился и протестовал против подобных размышлений – а заодно и против подобных обстоятельств.

От привычного думательного напряжения Стас, сам того не замечая, заметно ускорил шаг, от чего довольно быстро вспотел – несмотря на отсутствие палящего солнца и надвигающуюся вечернюю прохладу. Видимо, именно поэтому правый висок начал чесаться еще сильнее, и Стас раздраженно содрал надоевший пластырь и поскреб надоедливо зудящую кожу. Усиливающийся ветер приятно заохлодил кожу, и зуд слегка стих.

Из практически значимого на ум Стасу приходил всего лишь один полезный вывод на будущее: не надо соваться в те места, которые как-то очень уж отличаются от всего схематического и унылого ландшафта. Скорее всего, там кто-нибудь живет. И вряд ли стоит надеяться, что этот «кто-нибудь» обязательно будет рад Стасову появлению.

Главное, с чем сейчас неплохо было бы разобраться – это что за вирус такой, которого, похоже, все тут боятся. А заодно и с тем, с чего трудолюбивый толстяк вдруг решил, что Стас должен быть носителем этого вируса. Вроде бы в своей прежней жизни – и Стас тяжело вздохнул – он ничем таким особенным не страдал. Впрочем, и к врачам он давненько не обращался, так что чем черт не шутит...

И еще одно: чем, собственно говоря, ему грозит это подозрение? Его просто будут сторониться (против этого он, надо сказать, ничего не имел) или постараются решить вопрос как-нибудь кардинально? Эта мысль Стасу не понравилась, он тревожно повел плечами и пошел еще быстрее.

...Обратная дорога, как всегда, показалась куда короче, чем утреннее путешествие в сторону серых гор на горизонте, и когда уже знакомый парк оказался на расстоянии, известном под названием «рукой подать», Стас облегченно вздохнул и перешел на прогулочный шаг.

К этому времени солнце уже опустилось за горы, и теперь их силуэт четко вырисовывался огненной линией на фоне синеющего неба. Стас даже остановился полюбоваться, поскольку увидеть подобный закат в Москве ему не доводилось давно: просторы не те, настроение не то...

Он повертел головой в разные стороны и внезапно замер от неожиданности. В нескольких сотнях метров позади на фоне золотой небесной кардиограммы прямо по земле к нему быстро скользила странная конструкция: за довольно высокой мачтой с раздутым лиловым парусом виднелся стоящий тонкий женский силуэт в облаке развевающихся черно-желтых тканей. Только через минуту, когда конструкция приблизилась на расстояние ясной видимости, Стас разглядел, что мачта стоит на слегка поблескивающей толстой пластине чуть меньше метра шириной и метра полтора в длину. На этой же платформе стояла, держась за мачту, изящная дама в экзотичном шелковом черно-желтом одеянии.

Поравнявшись со Стасом, дама наклонилась и что-то покрутила на уровне своих коленей. Парус немедленно опал, и вся конструкция с тяжелым шорохом остановилась рядом с остолбеневшим Стасом.

– Привет морталам с Третьих гор! – с какой-то веселой гортанностью проговорила дама, сойдя на землю, но продолжая держаться рукой за мачту. Внешность ее была не менее экзотичной, чем платье: большие темные глаза, насмешливо поблескивающие на смуглом лице, крупный, но тонко выточенный нос и зачесанные за уши недлинные черные волосы, образующие для всего этого изысканную рамку. Даже пурпурная восьмерка на ее левом виске изящно дополняла общее совершенство картины.

Поприветствовав Стаса, дама без всякого стеснения уставилась на его правый висок.

– Я всегда говорила, что ваше интеллектуальное превосходство над нами сильно преувеличено, – ехидно протянула она, налюбовавшись Стасовой восьмеркой. – Ограниченность мышления, знаете ли, сильно осложняет жизнь. Сдается мне, если бы вы были тем самым вирусносоцем, то у Семена инфинит уже должен был бы начать светлеть. Хотя кто знает, кто знает...

Памятуя прежний опыт собственных бестолковых комментариев, Стас предпочел промолчать. Тем более что умевшая скользить по земле доска с парусом непреодолимо приковывала его внимание. Смуглая дама рассмеялась:

– Не пугайтесь, мой дорогой. Ничего волшебного. Всего лишь тефлон-пятнадцать.

– Всего лишь! – не удержался и возмущенно фыркнул Стас. – Всего лишь тефлон-пятнадцать, подумать только...

– Вы, надо думать, гуманитарий? Тогда ладно, вам простительно. Это самый скользкий искусственный материал в мире. Мне эту штуку Буряк сделал. Кстати, пятнадцать – по количеству букв во фразе «Я люблю тебя, Лилия». Как вы понимаете, Лилия – это я.

Тут Стасу удалось промолчать, хотя его интерес к носящейся по земле штуквине и вправду поукас.

– Да что ж вы такой нелюбопытный-то? – возмутилась Лилия. – На свое счастье встретили человека, который может вам все объяснить – и ни одного вопроса?! Тоже мне, ученый...

– А вы откуда знаете... – встрепенулся Стас и тут же осекся.

– Наконец-то созрел вопрос, поздравляю, – язвительно прокомментировала Лилия. – Для того, кто изначально по своей природе превосходит нас, женщин и по логике, и по полету фантазии, объясняю: парк и два больших здания, битком набитых экторами и всякой бесполезной аппаратурой, точно не могут быть просто жилыми домами. Это если не считать того, что все мы здесь уже полгода как все про вас знаем.

Стас безнадежно помотал головой, которая напрочь отказывалась соединять кучу разорванных кусочков информации хоть в какое-то подобие единого целого, и опустился на землю.

– Эй! – возмущенно окликнула его Лилия. – А пригласить даму на чашечку кофе? И, между прочим, мне надоело эту штуку держать. Может, загоним ее к вам парк?

– А чего вы ее держите? – безразлично осведомился Стас. – Убежать может?

– А вы как думали? Конечно, может. Я же говорю – самый скользкий на свете материал. Подержите ворота, – и Лилия легко подтолкнула свое странное средство передвижения в сторону парка.

Когда доска с парусом была благополучно затолкнута в глубь кустов, Лилия снова выжидающе уставилась на Стаса. Он понимал, что его настойчиво приглашают на чашечку кофе в его собственный кабинет, но все внутри него отчаянно противилось этой идее. Лилия понимающе хмыкнула и с тяжелым вздохом согласилась:

– Хорошо, давайте поговорим здесь.

Стаса так и подмывало поинтересоваться, с чего она взяла, что он вообще хочет с ней разговаривать, но любопытство все-таки победило. Он начал озираться вокруг в поисках чего-нибудь, пригодного для сидения, и обнаружил весьма уютную беседку под спускающимися почти к самой земле ветвями огромного дерева. Оказывается, его парк был оборудован для комфорта не многим хуже, чем сад давешнего дынеобразного толстяка.

Он с несколько издевательской галантностью (хотя, если подумать, в чем была виновата смуглая красотка?) пропустил Лилию в беседку. Та уселась, непринужденно раскидав вокруг себя эффектное одеяние.

– Итак, объясняю. Вы – никакой не мортал, а очень даже парцел. Во всяком случае, пока парцел. Просто инфинит у всех на левом виске, а у вас на правом. Кстати, очень интересно – почему? Но поскольку вы обитаете именно здесь, а эта жизнь появилась только вчера, то вы и есть носитель всеми любимого вируса. И вас теперь тут все боятся. Может, по этому случаю перейдем на «ты»?

Так, очередное новое слово. Парцел. Что-то частичное? И почему ПОКА парцел?

Но Лилии было наплевать на усиленную работу мысли Стаса, и она продолжала подкидывать ему новые подробности, решив принять его молчание за аналог брудершафта:

– А это значит, что тебе нужно знакомиться с говорунами. Не со своими же бестолковыми экторами ты будешь общаться?!

Похоже, экторы – это все те люди, которыми набит его институт и которые понятия не имеют о том, чем занимаются. И зачем они тогда тут?

– С другой стороны, говоруны с тобой точно так же не жаждут общаться, как и все остальные парцелы. И что делать?

Честно говоря, Стаса не очень интересовало, что делать в таком горестном случае: ему представлялись важными несколько другие вопросы. Но Лилию явно было невозможно сбить с придуманного ею самой сценария разговора:

– Следовательно, со мной тебе нужно дружить.

Интересно, и из чего же такого это следует?! И Стас скептически воззрился на Лилию. На сей раз она расценила его молчание совершенно правильно:

– Продолжаю объяснение. Я могу решить, кому не страшно заразиться. Они меня любят, послушаются. Примут тебя к себе, как миленькие, даже не сомневайся. На худой конец, твой неправильный инфинит и замаскировать можно. Жалко, конечно, что ты голову бреешь... Но я отыщу что-нибудь подходящее. О. придумала! Тебе берет пойдет. Очень мужественный вид получится.

Стас наконец решил перехватить инициативу:

– Послушай, а ты не могла бы объяснять мне не то, что ты хочешь, а то, что меня на самом деле интересует? – язвительно спросил он. – Я бы хотел, например, понять, где нахожусь, почему здесь оказался, откуда взялся этот институт, кто такие экторы, что это за вирус...

Лилия расхохоталась:

– Стоп, стоп, стоп! Не все сразу. Давай будем сохранять интригу. Что-то объясню, до чего-то сам будешь додумываться. Ну, или говоруны объяснят. Если ты, конечно, меня слушаешься.

– Ладно, объясни хоть что-то, раз уж пообещала, – с тяжелым вздохом махнул рукой Стас и приготовился слушать.

– Ну, много не скажу, а то тебе неинтересно будет. Ты все это придумал. Свой институт, экторов... Намечтал сам себе, одним словом. Многие пытаются, но не всем удается. Нам с тобой удалось, гордись. Кстати, всем остальным здесь – тоже.

Трудно было счесть это достаточно вменяемым объяснением, но за неимением лучшего Стасу пришлось смириться и с этим бредом.

– Главное, что тебе сейчас нужно знать – это про вирус. Твой вирус...

Стас насмешливо хмыкнул, но Лилия неумолимо продолжала:

– Твой вирус смертелен. И не надо мне говорить, что ты ничем не болен. Это там ты был ничем не болен! А здесь ты для всех смертельно опасен. Собственно, сейчас ты – единственное, что смертельно опасно для всех парцелов. Вирус превращает парцелов в морталов.

– А ты парцел? – коварно поинтересовался Стас.

– Конечно, – лучезарно улыбнулась Лилия.

– А почему ты тогда меня не боишься?

– А я – тот парцел, который игрок. Я, видишь ли, люблю поиграть. Кто-то с судьбой в русскую рулетку играет, а я сама себе свои игры придумываю. Кстати, пока еще не проигрывала. Так что, надеюсь, и сейчас не заболею.

– А если все-таки заболеешь? – продолжал нахальничать Стас.

Лилия беспечно махнула рукой:

– Ну и ладно, заболею. Не так уж я тряусь за свое бессмертие.

Стас аж поперхнулся.

– Чего-о? Какое бессмертие?!

– Кошмар, до чего ж ты недоверчивый! Я тебе про что говорю?! Ты. Пока что. Бессмертен. Празднуй, ученый!

– А почему «пока что»? – бессмысленно продолжал упираться Стас.

– Все, хватит на сегодня, – решительно оборвала объяснения Лилия. – Хорошенького понемножку. Так ты едешь со мной к говорунам?

Стас потрясенно умолк, причем вовсе не в поисках ответа на так живо интересовавший Лилию вопрос. Впрочем, и размышлениями назвать то, что творилось сейчас у него в голове, было бы слишком смело. Он просто провалился в какую-то бездумную пустоту и барахтался там в обрывках не пригодных для прочтения мыслей.

Лилия пару раз негромко окликнула его, потом наклонилась прямо к его лицу и сильно дунула.

Стас вздрогнул и с трудом сфокусировал взгляд на склонившемся над ним красивом смуглом лице. Теперь он разглядел, что Лилия была вовсе не так юна, как ему примерещилось вначале: было очевидно, что тридцатый день рождения был не последним из уже отпразднованных ею. Хотелось бы понять, этот факт добавляет доверия к ее словам или все-таки нет?..

– Чего ты от меня хочешь? – не слишком вежливо огрызнулся он, пытаясь отдалиться от ее насмешливого взгляда.

– Хочу услышать, что ты готов завтра вечером отправиться со мной к говорунам, – терпеливо разъяснила Лилия.

Тут Стас почему-то страшно разозлился:

– Знаешь, ты, конечно, очень красивая и все такое, но... Вот беда: я не люблю, когда меня пытаются использовать втемную. Способна смириться с таким моим недостатком?

Лилия, казалось, тут же потеряла к нему всякий интерес. Она бесстрастно пожала плечами и распрямилась.

– Сам думай. Решишься – мой дом за твоим институтом. Километра три отсюда, так что не очень устанешь. Только учти, говорунов еще собрать надо, – говоря это, Лилия уже неторопливо выводила свой транспорт из зарослей.

– И как ты намереваешься их собирать? – язвительно спросил Стас, наблюдая за ее привычными и ловкими движениями.

Лилия напоследок презрительно мотнула головой:

– А ты думаешь, сотня великих ученых радио не может собрать? – и исчезла за кустами. Через несколько секунд раздался уже знакомый Стасу жесткий шорох пресловутого тефлона-пятнадцать по дорожке парка.

Да уж, был бы на Земле – точно закурил бы...

Стас двинулся в сторону института, настороженно оглядываясь: если тут все уже знают про два больших дома – значит, и сейчас в кустах вполне может прятаться парочка-другая наблюдателей. Может, конечно, они и не замышляют ничего дурного, но все-таки как-то неприятно...

Он торопливо добрался до входа в институтское здание, с силой захлопнул ее за собой и огляделся в поисках чего-нибудь, пригодного для запираения двери изнутри. Ничего лучшего, чем добротный тяжелый стул, не нашлось, и Стас с остервенением забил его в ручку двери. Конечно, запор не слишком надежный, но с этим первое время придется мириться.

Он пошел по коридору, распахивая одну за другой двери в лаборатории. Как и следовало ожидать, все помещения были пусты: экторы (экторы – это же его подчиненные, он правильно понял?) давно отдохали в институтском общежитии. Но он продолжал свой обход – скорее уже просто для порядка.

К его удивлению, в славистской лаборатории – последней на пути к его кабинету – одного энтузиаста он все-таки обнаружил. Им оказался коренастый немолодой дядька крестьянской внешности с хитрющими глазами.

– Здравствуйте, Станислав Дмитриевич, – без особого пиетета поприветствовал он вошедшего шефа.

– Добрый вечер, – несколько неловко ответил Стас.

– Меня зовут Артем Павлович, – догадливо подсказал хитрющий.

Стас смутился еще больше и, наверное, от смущения без всякой задней мысли выпалил:

– А когда у вас день рождения?

Дальнейшее превзошло все его ожидания: глаза дядьки тут же стали неожиданно испуганными, и он остолбенело замер, не в силах ответить на столь простой вопрос.

Правда, продолжалось его безмерное изумление недолго. Уже спустя несколько секунд он потряс головой и улыбнулся – все еще смущенно:

– Откуда ж мне знать?

Да, действительно, откуда человеку знать свой собственный день рождения?! Это же абсолютно засекреченная информация... Зато теперь стало понятно, почему толстяк-садовод несколько часов назад задавал тот же вопрос самому Стасу: это была попытка выяснить, не эктор ли он. Видимо, если бы Стас оказался эктором, садовод мог бы вовсе не беспокоиться за свою жизнь. Но поскольку свой день рождения Стас помнил, то пришлось садоводу самому изобретать себе утешительную легенду, согласно которой его гость не был вирусоносцем: мортал с Третьих гор, конечно, кто же еще?!

– Так странно, вы сегодня четвертый человек, кто задает мне этот вопрос, – задумчиво проговорил Артем Павлович.

Час от часу не легче: то есть пока Стас гулял по окрестностям, здесь сразу трое лазутчиков побывало?! А он-то, наивный, стулья в двери запихивает...

Он, внезапно почувствовав себя смертельно измотанным, придвинул к себе стул и опустился на него, с надеждой глядя на своего подчиненного, так неожиданного обнаружившего признаки интеллекта.

– Артем Павлович, вот скажите мне: вы понимаете, что здесь происходит? – жалобно спросил он.

– Как – что?! – поразился тот. – Вы руководите нашим институтом, а мы... – и тут он задумался. – А мы работаем. Кажется...

– Вот и мне – кажется, – язвительно поддержал его Стас. – Скажите, вы здесь уже многих знаете? Только мне кажется, что они все придурки?

Артем Павлович укоризненно посмотрел на него, но не удержался и хихикнул, как школьник.

– Ну не то чтобы все... Но физиологи – точно.

– А кто не придурок? – живо заинтересовался Стас.

– Самые толковые здесь, как мне показалось, лингвисты. По крайней мере, западники. Слависты, германисты... Синологи и прочие восточники щеки дуют от важности, но как-то они не очень... Парочка культурологов забавных имеется. Психологи – те вообще ужас. Как так получилось-то, Станислав Дмитриевич? Или вы их не сами набирали?

Да уж, действительно, как так получилось-то?! По словам этой Лилии выходит, что набирал их Стас точно сам. Точнее, он их себе намечтал – так, кажется, Лилия сказала? Интересно, в каком горячечном бреде Стас сумел намечтать себе именно таких придурков-подчиненных?

– Да вроде сам... – невнятно пробурчал Стас, поднимаясь и направляясь к двери. Переговоров с него на сегодня было больше чем достаточно – настолько достаточно, что он даже попрощаться забыл с озадаченным Артемом Павловичем, медленно привставшим со стула и еще медленнее опустившимся обратно, когда дверь за непредсказуемым шефом с грохотом захлопнулась.

Несясь по коридору к своему кабинету, Стас клятвенно обещал себе поесть и немедленно улечься спать, ни о чем – понял, оболтус?! ни о чем! – не думая и ничего не пытаясь понять.

Ему это почти удалось, хотя действительность перед сном подбросила очередные неожиданности: в холодильнике откуда-то появилась новая еда, которой утром там точно не было. Впрочем, подобные неожиданности на фоне всего остального можно было считать скорее нечаянными радостями, чем пугающими фактами.

Единственной мыслью, которой он не смог помешать забрести к нему в голову перед сном, было: лингвистов-то он вполне мог намечтать толково, а вот физиологов или психологов – увы... Кто там их знает, что именно должно быть у них в головах? Если бы он знал и умел все то, что должны знать и уметь они, он и был бы не лингвистом, а...

С тем он и уснул.

Похищение

Проснувшись утром, Стас неосторожно открыл на мгновение глаза, потом поспешно зажмурился: мало ли что могло ждать его в кабинете? Впрочем, полежав с зажмуренными глазами пару минут, он пришел к безрадостному, но трезвому выводу: рано или поздно открыть их все равно придется.

Именно это он и сделал. Вопреки ожиданиям, ничего особо страшного вокруг него не наблюдалось. Все тот же просторный и удобный кабинет. Все те же деревья любопытно заглядывают в огромные окна. Все тот же дружный топот бесполезных подчиненных, с необъяснимым энтузиазмом несущихся по длинным коридорам на непонятную им самим работу.

Завтракая свежайшими продуктами из своего холодильника-самобранки (или самобрана?), Стас сосредоточенно обдумывал вчерашний разговор с Лилией.

Может, и правда стоит встретиться с этими говорунами? В конце концов, он все равно понятия не имеет, что ему здесь делать – так почему бы и не это? Тем более что мысль, пришедшая ему в голову перед обрушением в сон, оказалась явно не бесполезной: получается, беда только в том, что он не сумел как следует придумать себе нужных сотрудников. Но тогда, если обещанные Лилией говоруны – действительно ученые, то, может, среди них окажутся и те, кто сумеет этих сотрудников научить всему необходимому?

С другой стороны, предлагаемый ею визит выглядит как-то не очень красиво: она, пользуясь своим обаянием, вынудит их общаться с тем, кто для них смертельно опасен... С его, Стаса, стороны это можно считать порядочным? Ему почему-то казалось, что нельзя.

Конечно, можно поставить Лилии ультиматум: он пойдет к этим говорунам только в том случае, если они будут знать, что он и есть тот самый ожидавшийся всеми вирусосолец. А там пусть они сами решают, впускать его или нет.

Кстати, неплохо бы еще понять, почему вообще Лилия так страстно на этом визите настаивала. У нее-то какой интерес в этом случае? А то ведь ультиматум вполне может и не сработать...

Ни к какому окончательному решению Стас до окончания завтрака так и не пришел, поэтому, на всякий случай озираясь, выбрался из института с намерением действовать по обстановке. И только отойдя от входной двери на приличное расстояние, удивился: интересно, кто открыл утром эту дверь, запертую изнутри на ножку крепкого стула?

Погруженный в неоправданно глубокие размышления по столь ничтожному поводу, у ворот парка он внезапно столкнулся с тремя одинаково тощими и одинаково коротко стриженными парнями. Они были одеты в одинаково неброские серые одежки и смотрели на Стаса одинаково жалко и растерянно. Однако, несмотря на эту жалкость, разминуться с ними они ему все-таки не дали, настойчиво повторяя, что ему совершенно необходимо идти с ними, и что никто ничего плохого ему не сделает. Выяснить удалось только, что Стаса ждет для разговора кто-то чрезвычайно значительный и даже практически великий.

У Стаса немедленно возникли два предположения, одно из которых он тут же и проверил, спросив у одного из серых, когда тот родился. Тот, как и следовало ожидать, тут же остолбенел, и Стас удовлетворенно кивнул, похвалив самого себя за сообразительность: как он и предположил, это были экторы кого-то из приоров.

Сделав несколько попыток отбиться от бесцеремонного приглашения, он понял, что отвертеться не удастся. Несколько утешала только полученная вчера от Лилии весьма спорная информация о его бессмертии – хотя думать об этом всерьез ему все-таки не удавалось.

Серая троица бережно усадила его в предусмотрительно спрятанную за углом парковой ограды повозку. Она была не столь шикарней, как виденная Стасом вчера: видимо, сегодняшний приор был рангом ниже, или наоборот – не настолько глупым, чтобы так назойливо

демонстрировать свое величие, как вчерашний человек-медведь. Хотя... Вид серой троицы никак не свидетельствовал в пользу большого ума их хозяина.

Ехали они довольно долго – в сторону, противоположную той, которую Стас обследовал вчера. Кое-где на земле ему удалось заметить широкие полосы слегка укатанной земли, напоминавшие о забавном транспорте Лилии. Интересно, она тут одна пользуется таким способом передвижения? А еще интереснее, как этот способ работает при условии полного безветрия – вот как, например, сейчас?

Как Стас себя ни уговаривал, ему все-таки было тревожно: поход в гости к кому-то, кто свято убежден в том, что его желания куда значимее желаний любого другого человека, вовсе не казался совершенно безопасным мероприятием.

Длительность пути тоже не слишком успокаивала: запомнить дорогу в условиях здешней невыразительности пейзажа было непросто. Ориентироваться можно было только на редкие куски обжитой природы. Где-то это были странно выглядявшие участки очень густого леса посреди голой равнины, где-то – вполне привычного вида симпатичные домишки, а кое-где высились почти дворцы самых неожиданных стилей: от игрушечных японских пагод с залихватски задранными углами крыш до суровых каменных замков, напоминавших о временах викингов.

Именно у такого – сумрачного и подчеркнуто-грубого – замка повозка и остановилась. Пару тяжеловесных лошадей – конечно же, тоже серых – тут же увели под уздцы куда-то в недра двор все такие же серые и маловразумительные личности.

Сопровождавшие Стаса экторы под руки свели его с повозки, но в замок не повели. Один из них остался со Стасом, а двое других испуганными тенями метнулись в замок.

После довольно долгого ожидания невесть откуда во дворе появилась большая компания таких же теней с кучей каких-то предметов непонятного предназначения. Стас поежился, но дальнейшие действия толпы экторов выглядели вполне обыденно. Половина из них начала с немыслимой скоростью сооружать из какого-то незнакомого Стасу материала подобие гигантской прозрачной будки. Оставшиеся расставляли вокруг этой будки огромные черные коробки – каждая с большим круглым пятном в центре, обращенным в сторону будки. Эти странные манипуляции проделывались так быстро и слаженно, что Стас даже залюбовался. Приходилось отдать должное здешнему хозяину: уж его-то экторы точно знали, что надо делать.

Не прошло и получаса, как все было готово. По крайней мере, экторы одновременно прекратили суетиться и замерли в почтительном ожидании.

Из замка вышел еще один человек – на этот раз в темно-сером одеянии и с волосами чуть подлиннее, чем у прочих. Пожалуй, и выражение глаз у него было иное: на остальных экторов он взирал с легким презрением, а на Стаса – просто снисходительно. Видимо, у приорских экторов существовала жесткая иерархия, позволявшая почти каждому на кого-нибудь смотреть сверху вниз. Стас позабавился: все как везде и всегда – только здесь чуть более очевидно...

Подойдя к нему, старший эктор в меру почтительно поклонился и сделал приглашающий жест. Стас двинулся было в сторону замка, но старший эктор все так же молча покачал головой, и Стас остановился в нерешительности. Эктор немного подождал, надеясь, что Стас сообразит, что от него требуется, но, так и не дождавшись, с некоторым раздражением проговорил:

– Вам сюда, – и указал на будку.

Стас в недоумении вздернул брови, от чего его бритый череп весь пошел складками, как у шарпея. Он знал за собой эту особенность: она веселила всех его женщин, поэтому он старался не допускать такого волнения кожи. Правда, сейчас было не до заботы о собственной сексуальной привлекательности, и Стас, чувствуя себя несколько задетым, зашагал в сторону будки.

Когда он подошел к непонятному сооружению, одна из стенок отодвинулась в сторону, и старший эктор не слишком уважительно подтолкнул его в спину. Стас от неожиданности почти упал в будку, и стена тут же за ним задвинулась.

В тот же момент он услышал ровный гул снаружи и понял, что будка наверняка оборудована какой-то системой передачи звука: гул явно шел из коробок, окружавших будку. Судя по тому, что по двору замка понеслись клубы пыли, эти коробки были мощными вентиляторами.

Прошло несколько минут. Вентиляторы продолжали мести пыль по двору, но больше снаружи ничего не происходило.

Вдруг все экторы, как по команде, повернули головы в сторону массивных дверей замка, и на их лицах возникло выражение неизбежного восхищения и преданности. Если бы Стасу рассказали о подобном, он бы ни за что не поверил, что такое выражение лица может быть настолько очевидным и при этом выглядеть совершенно искренним.

Стас глянул в ту сторону, куда все это восхищение было направлено, и удивился: на пороге замка стоял человек вполне невзрачной наружности. На голове у него красовалось не слишком чистое полотняное подобие тибетейки, мятая рубашка отдаленно напоминала русскую косоворотку, штаны тоже давным-давно мечтали об утюге... Лицо приора тоже не слишком объясняло столь острое восхищение экторов: какое-то неопределенное, оно выражало крайнюю степень усталости и снисходительности. Да уж, нужно много экторов, чтобы придать такому значительности, саркастически подумал Стас, наблюдая, как помятый приор шествует в сторону будки. Экторы тоже следили за своим лидером – но, в отличие от Стаса, все с тем же выражением нестерпимой преданности.

Помятый остановился за пределами круга из вентиляторов, и тут наконец-то Стас догадался, к чему были все эти загадочные приготовления: они минимизировали опасность заражения Великого Помятого смертельным вирусом. Может быть, они даже полностью исключали опасность такого заражения. Хитроумно, не мог не признать Стас. Непонятно только, кто является автором всей этой конструкции. Или его негостеприимный хозяин-приор одновременно еще и неплохой инженер?

Старший эктор с почтительным поклоном передал помятому какую-то вещицу. Тот дунул в нее, и Стас поморщился: это оказался очень мощный микрофон, усиливавший меланхоличный голос помятого до раздражавшей Стасов слух громкости.

– Здравствуйте, Стас, – проговорил в микрофон помятый. – Извините за будку. Вы сами понимаете: это необходимая защита.

Стас пожал плечами: ему так вовсе не казалось. К тому же было непонятно, услышит ли помятый его вообще, если он заговорит.

– Вы говорите, Стас, я вас буду слышать, – подбодрил его помятый.

– Хорошо, – несколько невпопад сказал Стас.

Помятый удовлетворенно кивнул – дескать, контакт налажен – и махнул рукой экторам. Те тут же рассосались в пространстве, и общая картина происходящего окончательно приняла сюрреалистический вид: посреди огромного пустого двора – человек в прозрачной будке, вокруг будки буйными вихрями носится пыль, и надо всем этим – трубные раскаты каких-то совершенно дурацких переговоров...

– Итак, Стас, вот что я хочу вам предложить... – снова начал помятый, но Стас раздраженно прервал его благостную речь:

– Может, для начала вы представитесь?

Приор отчетливо выразил лицом неудовольствие, но все же нехотя произнес:

– Меня зовут Тимофей. Я понимаю, вам сейчас трудно. Вас все боятся: не у всех же есть возможность обеспечить себе достойную защиту, как у меня. С вами никто не будет общаться. Это тяжело. Я предлагаю вам союз.

Черт возьми, в последнее время все предлагают ему союз!

– Вы предлагаете мне общаться с вами? – неприятно усмехнулся Стас.

– Нет, что вы, зачем? – поморщился приор. – Я предлагаю организовать ваше общение с теми, кто близок вам по духу...

– Вы знаете, кто близок мне по духу?!

Судя по все явственнее проступающей вертикальной морщине на лбу, приор начал терять терпение:

– Я имею в виду говорунов. Они ученые, вы ученый...

– И как же вы это общение организуете, если они, как вы говорите, меня будут бояться и общаться со мной не захотят? – Стасу было не привыкать вызывать острое раздражение у своих собеседников, поэтому сейчас он чувствовал себя как рыба в воде.

– Я помогу вам скрыть от них, что вы – это вы.

– А, кстати, вы-то как узнали, что я – это я? – вдруг заинтересовался Стас и повернулся к Тимофею своим левым виском. – Инфинита-то у меня нет?

– Мне еще вчера доложили, что он у вас есть.

– Но ведь если вам доложили, то и говорунам могли доложить, разве нет?

– У них нет моих возможностей, – с вкрадчивой улыбкой объяснил приор. – Кроме того, существует много способов выдать вас за другого.

– Допустим. А вам это зачем, хотелось бы понять...

Тимофей снисходительно улыбнулся:

– Вы, Стас, здесь еще многого не понимаете. Мне пришлось бы слишком многое вам объяснять. Давайте просто сойдемся на том, что мне нужно, чтобы вы как можно больше общались с говорунами.

– Дайте угадаю... – Стас уже откровенно издевался над приором: – Либо вам нужна какая-то информация, либо вы просто хотите, чтобы как можно больше говорунов перемерло. Получать информацию через меня глупо: вы сами сказали, что я еще почти ничего не понимаю. Значит, вам нужно уменьшить численность говорунов. Или, скажем, кого-то конкретного приговорить к смерти. Так?

Тимофей, вздернув брови, промолчал, всем своим видом демонстрируя категорическую неуместность подобного поведения.

– Будем считать, что не договорились. Хорошо? – резко сменил интонацию Стас и изо всей силы шарахнул ладонью по прозрачной стенке будки. – Все, выпускай меня из этой конуры! Надоело.

Тимофей поиграл желваками на щеках, круто развернулся и направился в замок. Никто из экторов во дворе так и не появился.

Еще какое-то время вентиляторы продолжали гонять пыль вокруг будки, потом все стихло, и прозрачная стена снова отъехала в сторону, выпуская Стаса на волю. На этот раз никто не изъявлял желания отвезти Стаса куда бы то ни было, и ворота замка захлопнулись за ним сразу же, как только он из них вышел.

Оказалось, что он даже не злится на Тимофея, пытавшегося так нагло использовать его в качестве тупого орудия. Наоборот, приор как-то даже помог ему принять решение – правда, совсем не то, ради которого городился весь этот огород с будками и вентиляторами.

...На то, чтобы добраться от замка приора до дома Лилии, Стасу пришлось потратить почти весь остаток дня, потому что сначала он банально заблудился, двинувшись от замка не в ту сторону, куда было нужно. В результате через полчаса он наткнулся на высоченную крепостную стену, окружавшую довольно небольшой участок пространства. С виду крепость очень напоминала высокий и не слишком толстый пенек – и даже цвет камней, из которых она была сложена, был каким-то древесно-бурым. По всему верхнему периметру крепости разме-

щались узкие трубы явно оружейного вида, мрачно игравшие на солнце темно-металлическим блеском.

Когда Стас проходил мимо крепости, трубы внезапно ожили и нацелились на него. Он застыл – трубы тоже замерли. Переждав холодную волну страха, он собрал в кулак все имевшееся в его распоряжении мужество и снова двинулся мимо крепости. Трубы опять двинулись и угрожающе проводили его десятком готовых к бою отверстий.

Изо всех сил стараясь не ускорять шаг, Стас гордо миновал крепость и двинулся дальше.

Интересно, зачем могут быть нужны такие грозные орудия там, где все жители, по слухам, бессмертны?

Все же, когда Стас ухитрился вернуться на путь истинный и начал понимать, куда ему предстоит шагать дальше, все последующие строения он предпочитал обходить по огромной дуге: мало ли что там еще могло двигаться, следить за проходящим человеком и прицеливаться?!

Проходя мимо своего института, Стас горестно вздохнул: кресло и холодильник в его кабинете манили его так, как никогда в Москве не манила ни одна из квартир, в которых он жил на протяжении всей своей жизни. Но цель была намечена, и Стас решительно ускорил шаг.

...Дом Лилии его несколько удивил: видимо, он ожидал увидеть что-то куда более демонстративно-декоративное. Правда, и сейчас при всей простоте ее дом банальным считаться никак не мог: все его наружные стены были стеклянными. То ли Лилия, ко всему прочему, была еще и эксгибиционисткой, то ли не сомневалась в том, что ее жизнь интересует всех без исключения, то ли предпочитала контролировать все происходящее – непонятно.

Откуда-то из-за дома доносилось довольное лошадиное ржание: похоже, тефлон-пятнадцать был не единственным транспортом в обиходе Лилии.

Не успел Стас подойти к дому поближе, как стеклянная дверь распахнулась, и на пороге появилась Лилия, закутанная в огромную шаль дымчатых лиловых и зеленых оттенков. Она по-вчерашнему насмешливо смотрела на приближающегося Стаса и молчала.

Он остановился перед ней и только открыл рот, чтобы сообщить Лилии, что она прекрасно выглядит (что было бы чистой правдой), как она его опередила:

– Я знаю, что неотразима, пропустим этот шаг.

Ее глаза при этом сверкнули так весело, что Стас невольно улыбнулся:

– Я могу рассчитывать на кофе? Или ты мне так и не простишь вчерашнее негостеприимство?

Лилия усмехнулась – почему-то грустно – и шагнула в сторону, пропуская Стаса в дом.

Войдя в гостиную, замеченную им еще снаружи, Стас с любопытством огляделся. Камин, немислимое количество подушек, разбросанных прямо на полу, низкие диваны – словом, все именно так, как он и предполагал. Неожиданными были только битком набитые книжные стеллажи, во множестве теснившиеся вдоль стен. Причем, судя по некоторому беспорядку на полках, обилие весьма разномастных книг было не дизайнерской находкой, а отражением образа жизни хозяйки.

Как выяснилось, комната вовсе не была прямоугольной, как показалось вначале: скорее она была похожа на очень широкий извилистый коридор, в недрах которого Лилия исчезла сразу же, как только Стас уселся на раскинутых подушках. Стас погоревал, что вместе с чашечкой кофе не запросил и чего-нибудь посущественнее: его желудок вдруг вспомнил, как много времени прошло с тех пор, когда его последний раз наполняли, и противно заныл. А искать в этом лабиринте Лилию и покаянно просить какой-нибудь еды представлялось Стасу слегка неподобающим.

Лилия оказалась сообразительнее, чем он предположил: она вернулась с огромным подносом, источавшим головокружительные запахи. Она даже догадалась молчать все время, пока Стас поглощал все принесенное, и только когда он добрался собственно до кофе, заговорила:

– Я так понимаю, ты надумал согласиться?

Стас попытался сохранить достоинство, но это было довольно трудно при сложившихся обстоятельствах, когда его губы (и возможно, даже подбородок) густо лоснились после бессознательного количества съеденного:

– Да. Но при одном условии...

Лилия скептически покачала головой:

– Ну рискни. Не обещаю, что меня это впечатлит.

– Никаких беретов и никакой маскировки. Все должно быть по-честному, – решительно сказал Стас и отставил чашку.

Лилия немного подумала, опустив глаза, а потом неожиданно спросила:

– Где был сегодня, кого видел?

Досадливо вздохнув, Стас принял правила игры: деться ему все равно было некуда.

– Сначала меня похитили какие-то серые люди и отвезли к некоему Тимофею. Он предлагал...

– Я знаю, что он тебе предлагал, – перебила Лилия. – Иначе бы ты ко мне не пришел. Я еще вчера предполагала, что так будет, потому и не настаивала. Еще кого-то видел?

Она была странно напряжена, и ее вопросы не казались досужим любопытством или обычным кокетством, поэтому Стас решил быть честным:

– Не то что бы видел... Там была какая-то крепость со стволами на стене. Я шел, а они за мной... следили, что ли...

– Ну, на самом деле это не страшно. Это сумасшедший малбон Кайрат. Если в крепость не соваться, его орудия не опасны. Больше никого не видел?

– Да вроде нет, – пожал плечами Стас.

– Значит, еще не началось... – с явным облегчением сказала Лилия.

– Не началось что? – не понял Стас, но Лилия не обратила на его слова ровным счетом никакого внимания. Он немного подождал, потом от полной безнадежности разозлился:

– Что, с людьми играть еще веселее, чем с судьбой? Нравится свою власть чувствовать?! А что я знаю – не скажу... Так, что ли?

Лилия очень серьезно в упор посмотрела на Стаса:

– Хорошо, спрашивай.

Легко сказать – спрашивай! Тут вопросов на целый час наберется. На все отвечать будет?

– Давай по-другому. Я расскажу тебе, как я себе все это представляю, а ты мне скажешь, если я ошибаюсь. Хорошо?

Судя по продолжавшемуся молчанию, дожидаться ответа Стасу было не суждено, поэтому он просто начал:

– Ты сказала, что это все – моя фантазия. То есть в прежней жизни я всего этого отчаянно хотел – вот и получил. И все здесь точно такие же – приходят в этот мир со своей собственной реальностью, которая на самом деле их мечта. Так?

Снова нет ответа.

– Значит, так. Идем дальше. Здесь все почему-то делятся на кланы. Есть экторы, с которыми мы все сюда приходим – и они тоже из нашей мечты. Они вроде как не совсем люди. Они просто такие, которых мы придумали. Пока все еще верно?

На самом деле Стас уже не ждал ответа.

– Есть морталы, которые смертны. Есть все остальные, которые вроде бы как бессмертны.

– Парцелы, – тихонько подсказала Лилия, продолжая очень внимательно слушать.

– Хорошо, парцелы, – согласился Стас и продолжал: – А еще есть дричи. Это, как я понимаю, крестьяне. Есть отшельники. Про них все вроде бы понятно, они просто ругаются. Есть еще какие-то сумасшедшие малбоны, которые могут не просто ругаться, а стрелять. Есть говоруны, которые в прежней жизни были страшно умными, только почему-то в той жизни

не прижились и придумали себе эту. И есть приоры, которые тоже считают, что они самые умные и вообще великие. И кто из них бессмертен?

Лилия вздохнула и откинулась на подушки.

– Да все бессмертны. Приоры, дричи, говоруны, итеры – все парцелы. Все, кроме экторов и морталов. Экторы морталов исчезают вместе с морталами, когда те умирают. А экторы парцелов никуда не исчезают. Вот так все просто.

– А морталы-то откуда берутся? И зачем стрелять по бессмертным, если их убить невозможно? – торжествуяще спросил Стас. – Как-то не сходится...

– Да все сходится, – устало возразила Лилия. – Ты даже сам можешь стать морталом.

Это как-то неприятно задело Стаса. Даже странно: неужели до сих пор он всерьез относился к идее о собственном бессмертии?..

– Ты же говоришь, я бессмертен. Как же...

– Да вот так. Все решается не здесь, а на Земле. Тебе нужно продержаться еще целый год, чтобы стать настоящим парцелом. Ну, то есть не тебе, а ему... – и Лилия неопределенно помахала рукой.

– Вот объяснила – и все сразу стало понятно, – вздохнул Стас.

Лилия несколько раз набирала воздуха, чтобы ответить, но так ничего и не сказала, безнадежно махнув рукой.

– Понял. Ты, мальчик, еще маленький. Подрастешь – объясню, – ядовито резюмировал Стас.

– Знаешь, давай по делу. Сегодня я пообщаюсь с говорунами, а завтра утром мы с тобой к ним поедем. Пусть они сами тебе все объясняют. Насколько я понимаю, мне ты все равно не поверишь.

В глубине души Стас не мог с ней не согласиться, но из упрямства продолжал сохранять оскорбленный вид.

– И еще. Среди говорунов есть и врачи, и биологи, и технари... Ты бы подумал сегодня вечером, чем они тебе могли бы помочь с твоим институтом.

Ну наконец-то хоть одна понятная и практичная мысль! Он, конечно, вчера и сам до этого додумался – но приятно было, что Лилия перестала играть только в свою пользу.

– А поедем – это как? – осторожно поинтересовался он. – Я тут у тебя лошадок слышал...

– Хочешь ехать верхом? – радостно оживилась Лилия.

Надо сказать, верховой опыт Стаса нельзя было считать слишком уж удачным. Слабость к лошадям он питал с детства и несколько лет назад даже начал заниматься в манеже. Пару месяцев все было прекрасно, а потом... Он еще не успел стать хорошим наездником, когда хитрый белый мерин Ярик вдруг решил понести. И тут Стаса подвела его автомобильная выучка: он резко рванул поводья на себя. Видимо, он полагал, что лошадь, как и автомобиль, еще какое-то время будет замедлять ход, а потом плавно остановится. Но Ярик встал на месте, как вкопанный, а не успевший сгруппироваться Стас продолжил движение – только в воздухе, без лошадиной спины между коленями.

Опилки, которыми был услан манеж, падение, конечно, смягчили, хотя Стасу так отнюдь не показалось: грохнулся он на эти опилки так, будто весил тонну, и даже что-то не очень важное себе сломал. С тех пор он был готов лошадей кормить, гладить и при возможности даже мог их почистить – но усаживаться в седло больше не собирался.

Наверное, его воспоминания о мучительной хромоте после перелома достаточно ярко отразились у него на лице, потому что Лилия засмеялась и сочувственно пообещала:

– Ладно, на Подруге сама поеду. Придется тебе с моей парусной яхтой справляться. Сумеешь?

Стас неопределенно пожал плечами, слабо представляя себе, с чем именно ему придется справляться. Но других вариантов, видимо, все равно не было, так что...

– Не злись, – и Лилия вдруг погладила его по руке. – Все скоро узнаешь. По пути завтра еще поговорим, говоруны кое-что расскажут... Иди отдыхай, поздно уже.

Стас спохватился: и правда, небо за стеклянными стенами давно посинело и даже уже почернело, а идти ему предстояло не меньше полчаса...

Лилия проводила его до дверей, но как только он собрался выйти, придержала его за рукав:

– погоди. Не надо тебе в темноте одному ходить. Давай я тебя провожу.

Стас весело хмыкнул:

– Вообще-то обычно я женщин провожаю, а не они меня.

– Забудь. Это было там. Здесь реально опасно, – Лилия поспешно набросила на плечи еще одну шаль – такую же огромную и даже по виду очень теплую.

– Так тем более. Ты-то чем сможешь, если опасно?! – изумился Стас.

– При мне тебя никто не тронет.

– Да ты что?! Побоятся? – ухмыльнулся он.

– Именно так, – с вкрадчивой светской улыбкой ответствовала Лилия.

Было как-то странно и неловко чувствовать себя провожаемым хрупкой дамой, собирающейся оберегать его, крепкого мужчину вполне еще детородного и боевого возраста, от каких-то неведомых опасностей. Отойдя от оставшегося освещенным пустого стеклянного дома в густую темноту, Стас на всякий случай поинтересовался:

– А обратно ты как доберешься?

Лилия удивленно хмыкнула и, как обычно, промолчала.

...Никаких опасностей на пути к институту так и не встретилось. Тем не менее, Лилия выразила настойчивое желание проводить Стаса прямо до дверей. Немного помявшись, Стас согласился, но повел ее не к институту, а к общежитию. Лилия развеселилась:

– Скажи честно, первый раз рискнешь туда зайти?

Стас огрызнулся:

– Я ж не такой смелый, как ты!

– Ладно, ладно, не сердись. Тебе и вправду там делать было нечего... До сих пор, – уточнила Лилия и легко помахала на прощание рукой. – Завтра часиков в двенадцать жду тебя у входа в парк.

– Только если меня раньше никто снова не похитит, – пробурчал себе под нос Стас.

– Тебя и сегодня бы не похитили, как ты говоришь, если бы ты еще вчера меня послушался. А завтра уже не посмеют. Завтра все будут знать, что ты у меня был.

Чуть не зарывав от бессильной злости, Стас рванул на себя дверь общежития и скрылся за ней, не прощаясь.

Своим появлением в вестибюле общежития он, похоже, шокировал институтское население: несколько проходивших через вестибюль людей (тьфу, каких там людей?! экторов!) застыли в недоумении – а может быть, в ожидании немедленных указаний ринуться на работу. Стас успокоительно заулыбался и спросил:

– Где Артема Павловича найти?

Недоумение с лиц не исчезло.

– Артем Павлович, из славистской лаборатории, – терпеливо уточнил грозный шеф.

Недоумение быстро переросло в готовность отправиться на поиски.

– Он мне срочно нужен, – подбодрил заторможенных подчиненных Стас, после чего те с готовностью кивнули и исчезли.

Поиски хитроглазого слависта заняли довольно много времени, но в конце концов тот все-таки спустился в вестибюль, уже держа наготове такое же недоуменное лицо, как и у обнаружившей его поисковой экспедиции.

Ничего не объясняя, Стас приглашающе мотнул головой и двинулся на выход. Артем Павлович последовал за ним – как полагается, послушно и без лишних вопросов.

...Когда они оба расположились в уютных креслах рядом с кабинетным камином, Стас долго молчал, не очень представляя себе, как начать разговор. Потом решил, что на фоне собственной острой информационной недостаточности он все равно не придумает ничего толкового, и обрушил на Артема Павловича все то, что безостановочно варилось в его голове последние двое суток.

Приходилось отдать слависту должное: он освоился с большим количеством абсолютно неправдоподобной информации очень быстро – куда быстрее, чем сам Стас. Впрочем, чему тут удивляться, осадил себя Стас: он же наверняка мечтал не о подчиненных-идиотах. Наверняка его экторы – умный народ. Просто знают они мало, а умеют еще меньше. Но, если верить Лилии, это дело поправимое...

Когда Артем Павлович уложил у себя в голове все услышанное, пришло время самого главного: Стас хотел обсудить с ним собственный план исследований. Важно было понять, чему придется учить экторов-недоучек, чтобы этот давно выношенный Стасом план стал осуществим.

Правила Другой Земли

...Вчерашнее обсуждение затянулось далеко за полночь, а наутро стараниями бесценного Артема (к утру они со Стасом уже самым естественным образом перешли на «ты») в Стасовом кабинете было собрано целое совещание. Стас наконец-то приступил к полноценному выполнению своих начальственных функций и начал раздавать всем конкретные указания.

Как и было обещано Артемом, самыми толковыми оказались слависты и германисты, что вполне соответствовало научным интересам самого Стаса. Им было поручено ввести в курс предстоящих исследований прочих лингвистов и совместными усилиями определить недостающий им объем знаний и умений. Честно говоря, у Стаса было мало надежды на то, что среди говорунов окажутся лингвисты нужных ему специализаций, но на это он пока решил особого внимания не обращать: сейчас имелись куда более актуальные задачи.

Раздача заданий продолжалась так долго, что Стас еле успел позавтракать перед встречей с Лилией. Хотя вполне возможно, что завтрак не случился вовсе не по этой причине, а из-за безумно раздражавшего Стаса непрекращающегося внутреннего трепета перед предстоящей встречей с неведомыми говорунами.

Тем не менее, первый раз за последние два дня он выходил из института без омерзительного ощущения собственной беспомощности и интеллектуальной неполноценности. Внутри даже начинала теплиться надежда, что жизнь в новой реальности в не таком уж далеком будущем вполне может оказаться чертовски увлекательной...

Лилия в очередном экзотичном одеянии – на сей раз бело-фиолетовом – уже поджидала его у ворот парка, придерживая за мачту свое фантастическое средство передвижения. Рядом нетерпеливо подрагивала изящными ногами воронья кобыла с великолепной волнистой гривой цвета густых деревенских сливок.

– Ну что, будем учиться? – вместо приветствия спросила она у Стаса.

В своем приступе острого научно-исследовательского энтузиазма Стас совсем забыл, что ему сегодня предстоит осваивать парусно-тефлоновую яхту Лилии. Он вовсе не был уверен, что это занятие доставит ему удовольствие – но почему-то ведь Лилия решила, что к говорунам нужно именно ехать, а не идти! Значит, придется учиться справляться с этой диковинной конструкцией.

Лилия, раскусив его внутренние терзания, расхохоталась своим немного гортанным смехом:

– Не пугайся, лингвист! Все не так страшно, как кажется, – и она подвела к нему поближе тихо шуршавшую по земле серебристую платформу.

Прямо как гуся за горло, подумал Стас, осторожно подходя к доске.

Теперь, при свете дня он увидел, что, кроме мачты с лиловым парусом, на платформе находились еще подобие небольшого пластикового кресла и крепящийся около основания мачты полупрозрачный штурвал с большой педалью под ним.

– Смотри, все просто, – подбодрила его Лилия. – Когда есть ветер, ты просто поворачиваешь штурвал, чтобы его поймать и двигаться туда, куда тебе нужно. А когда ветра нет, ты все время жмешь вот на эту педаль, и она делает ветер. Только не спрашивай как! – поспешно предупредила она. – Я девочка, я не разбираюсь в технике, я разбираюсь только в платьях.

Она шагнула одной ногой на платформу и скомандовала:

– Держи за мачту очень крепко.

Только после того, как Стас изо всех сил вцепился в мачту, совершенно не представляя себе, насколько сильно ее надо держать и зачем вообще это делать, Лилия уселась в кресло и поставила вторую ногу на педаль.

– Держишь?

– Держу! Давай уже! – рявкнул Стас.

Лилия плавно вдавила педаль в платформу, и парус тут же надулся пузырем, а мачта отчаянно затрепыхалась в руках у Стаса.

– Ничего себе! – восхитился тот.

Лилия убрала ногу с педали, и парус немедленно повис дряблой тряпкой.

– Вот и все, – гордо сообщила она, спускаясь с платформы и перехватывая мачту у Стаса. – Садись.

Стас жалобно оглянулся в сторону института, посмотрел на небо, на Лилию, на мачту с парусом...

– Давай-давай, не трусь, – безжалостно поторопила его Лилия. – Я на этой яхте катаюсь уже лет сорок – и все еще жива, как видишь.

Сорок?! Стас ошалело посмотрел на роскошную красавицу лет тридцати пяти от роду и безмолвно полез на платформу.

Пока он пытался приладиться к креслу, Лилия крепко держала транспортное средство за мачту, но оно все равно немного проскальзывало то в одну сторону, то в другую под тяжестью ворочающегося Стаса.

Ветра, как назло, не было, поэтому Стас ухватился обеими руками за штурвал и очень осторожно нажал на педаль. Лилия отпустила мачту, и яхта рванулась вперед.

Тут Стас вспомнил, что не спросил у Лилии насчет торможения, и пожалел, что отказался от лошади. Педаль он, конечно же, сразу отпустил и что было силы вдавил пятку в проносившуюся под ним землю. Яхта, подрагивая, постепенно остановилась, и Стас осторожно перевел дух.

К этому времени Лилия уже была в седле, и ее кобыла грациозно перебирала ногами в паре метров справа и впереди яхты. Вопреки собственным ожиданиям, уже с третьего раза Стас смог сдвинуть яхту без яростных рывков и почти в нужном направлении. Лилия сочла это вполне достаточным прогрессом, чтобы оставить без опеки нового водителя яхты (или как это должно называться?), и подала лошадь вперед.

Еще минут десять Стас тщетно пытался догнать двух унесшихся вперед красавиц, но яхта перемещалась рваными галсами. Потом все как-то неожиданно наладилось, штурвал сам собой договорился с парусом, тот начал повиноваться Стасу, и яхта послушно устремилась вдогонку за развевающейся сливочной гривой лошади.

Когда яхта и лошадь наконец поравнялись, запыхавшийся, но чрезвычайно гордый собой Стас окликнул Лилию:

– Ну что, теперь поговорим?

– О чем на этот раз? – не оборачиваясь, весело бросила Лилия.

– Ты обещала объяснить, почему я пока еще не настоящий парцел!

То, что приходилось перекрикивать и конский топот, и шуршание платформы по неровной земле, разговор отнюдь не упрощало.

– Ну не сейчас же! – возмутилась Лилия.

Одно слово – женщина... Кто вчера обещал по пути поговорить?!

Стас сбросил ногу с педали и с размаху воткнул пятку в землю. Парус опал, и платформа заколыхалась, будто на волнах. Лилия продолжала нестись вперед, не замечая Стасова саботажа. Только через пару минут она оглянулась, осадилась лошадь и не торопясь подъехала к яхте.

– Что случилось? – невинно поинтересовалась она.

– Ты обещала продолжить разговор, – сурово сказал Стас, сидевший на краю платформы с задранными почти до плеч коленями.

– О чем?! – поразилась Лилия, спрыгивая с седла.

Стас посчитал про себя до десяти.

– Почему я пока не настоящий парцел?

– Если я тебе скажу, что на Земле остался еще один ты, поверишь?

– Допустим, поверил. И что?

– И в чем разница между «допустим, поверил» и «верю»?

Стас сердито чертыхнулся.

– Да верю я, верю! Что мне остается-то?!

– Так вот если он... в смысле, тот ты, который на Земле... в течение года покончит с собой, ты станешь морталом.

– Еще раз, – жалобно попросил Стас. – Я не успеваю все это переваривать.

– Морталы – это парцелы, прототипы которых... ну, ты понял... прототипы которых покончили на Земле с собой в течение года с момента переселения парцелов сюда, – четко произнесла Лилия и внимательно посмотрела на Стаса.

Тот попытался представить себе московского Стаса, существующего одновременно с ним нынешним. Получилось не очень.

– Погоди, а сюда – это куда?

– На Другую Землю.

Вот как с ней разговаривать?!

– То есть ты хочешь сказать, что мы на другой планете? – язвительно уточнил он.

– Вот говорила я тебе – с говорунами это обсуждай! – обозлилась Лилия. – Мы не на другой планете, мы на Другой Земле!

– А разница-то в чем?! – изумился Стас.

– Это та же самая Земля! Только она отстает от той на одну минуту... Ну не надо у меня больше ничего спрашивать! Что я могу тебе объяснить, если сама себе этого представить не могу?!

Вот в это Стас был готов поверить охотно.

– А почему... – по инерции начал он, но Лилия решительно его оборвала:

– Все, викторина закончена. Поехали, – она резко развернула лошадь и помчалась прочь, нимало не заботясь о том, двинулся ли Стас с места.

Он понял, что повторять трюк с остановкой бессмысленно, и тронул с места яхту.

К концу пути Стас уже вполне освоился с новым транспортом и даже начал помаленьку хулиганить, гоня яхту разными витиеватыми траекториями. Лилия больше не оборачивалась, что он тоже расценил как достаточно высокую оценку его водительского мастерства.

...Остановились они у довольно большого дома, очень напомнившего Стасу дворцы питерских предместий – правда, в миниатюре. Нежно-салатовая буква «П», образованная двухэтажным строением с огромными окнами и богатой белой лепниной, была окружена классическим французским регулярным парком с четко выписанными цветочными узорами. Лошадь Лилии на этом фоне выглядела вполне адекватно, а вот ее тefлоновая яхта никак не вписывалась в пейзаж. Не менее странно выглядели посреди аккуратно подстриженных клумб еще два предмета, видимо, тоже представлявших собой разновидности местного транспорта: большой жемчужно-мерцающий шар и черная квадратная повозка, запряженная громадным рыжим битюгом.

Лилия спрыгнула со своей Подруги, набросила поводья на высокий кованный столб с крючьями, сердито оглядела шар с повозкой и, не глядя в сторону Стаса, направилась к входной двери. Стас по ее примеру решил прикрепить свой транспорт к тому же столбу, но никак не мог отыскать, чем это можно было бы сделать. Опасаясь, что Лилия скроется за дверью раньше, чем он справится с парковкой, он тревожно крикнул:

– Постой! Что мне с яхтой-то делать?

Лилия обернулась, поразглядывала какое-то время растерянного Стаса и наконец, сжалившись, пошла к нему.

Стас так и не понял, откуда Лилия достала шнур, но сейчас его уже больше интересовал другой вопрос:

– Я не понял, как ты собираешься их предупредить обо мне?

– Я ведь пообещала, что все будет честно, – прищурилась Лилия.

– Ну, до сих пор ты не очень-то выполняла свои обещания... – протянул Стас, и Лилия возмущенно фыркнула:

– Да я тебе кроме этого ничего и не обещала, – и снова двинулась в сторону дома.

Стас догнал ее и крепко схватил за запястье:

– Стой! Что ты собираешься делать?

Он уже привык к ее снисходительно-тяжелым вздохам, но относиться к ним спокойно так и не начал. Вот и сейчас после такого вздоха она посмотрела куда-то поверх его головы и только потом медленно перевела взгляд на него:

– Представь себе, среди говорунов есть довольно много людей, которые были бы вовсе не прочь умереть. Кстати, среди других – тоже. Вот к ним я тебя и привезла. Правда, получилось, что не только к ним – но тут уж я не виновата.

Она снова бросила возмущенный взгляд в сторону жемчужного шара и дернула рукой, которую по-прежнему плотно держал Стас:

– Ты идешь? Или передумал?

Стас отпустил ее руку и без особой охоты вошел в массивную резную дверь.

Лилия стремительно пересекла просторный прохладный вестибюль, широко распахнула какую-то дверь и вошла в нее с раздраженным возгласом:

– Буряк, ты идиот! Я же тебя предупреждала, чтобы ты сегодня сюда не совался! Что ты здесь делаешь?

Стас не спеша вошел за ней и остановился, разглядывая комнату.

Внутри дом продолжал напоминать Стасу питерские музеи – только теперь уже их внутреннее убранство. Неуютные козетки, хилые диванчики с деревянными перильцами и низкие кресла с чехлами в цветочек освещались свечами в ветвистых канделябрах – а он-то наивно полагал, что эти осветительные приборы вышли из употребления еще в позапрошлом веке! С этими раритетами входили в острое противоречие лежащие на старинном столе у входа вполне современные шариковые ручки, стоявшие там же тяжелые граненые стаканы, источавшие запах хорошего виски, и какое-то техническое устройство, поблескивающее в углу крохотными лампочками.

Ему навстречу поднялись трое мужчин. Впрочем, один из них – невысокий, с треугольным лицом и легкой кудрявой шевелюрой – вставал, похоже, не к нему, а к Лилии. Во всяком случае, взгляда от нее он с первого момента ее появления так и не отвел. Поздороваться со Стасом он тоже забыл, предпочтя ответить на возмущенные слова Лилии:

– Но ты-то с ним общаться не боишься...

– Ты знаешь, почему я не боюсь! – огрызнулась Лилия, падая на испуганно скрипнувшую козетку.

– Если ты можешь не заразиться – значит, я тоже могу. А если ты все-таки заразишься, я все равно буду с тобой общаться – значит, тоже заражусь. Тогда какой смысл от него прятаться?

Стас с любопытством посмотрел на носителя трезвой логики. Судя по всему, это и был Буряк – создатель способной носиться по голой земле парусной яхты из самого скользкого на свете тефлона-пятнадцать, названного в честь Лилии.

Один из двух других мужчин явно был хозяином винтажного дома: это был человек лет сорока с изящными усиками и довольно большими бакенбардами, облаченный в роскошный атласный домашний халат с богатыми толстыми шнурами. По крайней мере, он куда больше соответствовал всему окружающему, чем второй. Тот был огромен, лохмат и бородат, но обладал трогательным лицом растерявшегося пупса, и его грязные джинсы и криво застегнутая

обширная полосатая рубаха никак не могли бы принадлежать тому, кто сумел намечтать себе такую усадьбу.

Человек в халате сделал пару шагов к Стасу и с достоинством склонил голову:

– Добро пожаловать, милейший. Вы, насколько я понимаю, Станислав? Редкое имя...

Стас недоуменно пожал плечами – имя как имя, тезок ему приходилось встречать регулярно – и тоже неловко склонил голову.

– Ко мне можете обращаться просто по имени, без церемоний – Николай, – продолжил ритуал знакомства хозяин дома.

За спиной у Стаса громко фыркнула Лилия:

– Николай, прекращай смущать человека. Не наигрался еще?

Николай сделал вид, что не услышал столь бестактную реплику, и медленно прошествовал к своему креслу.

Огромный пупс был проще:

– Олег, – сообщил он, с чувством потряс руку Стаса и застыл рядом настороженной глыбой.

То есть эти два комика и есть представители здешней интеллектуальной элиты?! Ах да, есть же еще Буряк...

Тот наконец-то отвлекся от обмена выразительными взглядами с Лилией и спохватился:

– Они все зовут меня Буряком. Вы тоже можете, – разрешил он, уставившись внимательными темными глазами прямо в лицо Стасу. Тот беспомощно оглянулся на Лилию, слабо представляя себе, что он должен сейчас говорить или делать.

Лилия рывком поднялась с козетки (та снова жалобно пискнула) и встала рядом со Стасом.

– Ох, мужики, ну что бы вы делали без слабой женщины, – горестно посетовала она. – Вас еще как-то подружить между собой надо, что ли? Николай, угости нас чем-нибудь, а?

Николай вежливо улыбнулся и потянулся за бронзовым колокольчиком.

Ну разумеется, в таком доме все именно так и должно происходить. Сейчас войдет горничная в фартучке и кружевной наколке, спросит «Чего изволите?», получит указания, сделает книксен...

Лилия с удовольствием наблюдала сбоку за лицом Стаса, когда в комнату вошел дядька даже больших размеров, чем лохматый Олег, в крестьянской одежде и при этом совершенно лысый, даже без бровей. Дядька мрачно выслушал тихий наказ Николая и вышел вон.

Напряженное молчание продолжалось до тех пор, пока за одной из стен что-то не загрохотало. Грохот и ляг продолжались почти минуту, потом раздался мелодичный звонок. Стас покосился на Буряка: у того в углах губ таилась снисходительная усмешка.

Николай подошел к затихшей стене и широким жестом раздвинул ее. Стас вытянул шею, чтобы разглядеть пространство за стеной – и сразу же понял веселье Буряка. В проеме стены на подвесной деревянной платформе стоял полностью сервированный стол, а за ним все так же мрачно высился лысый дядька. Николай ухватился за один край стола, дядька за другой, и вдвоем они, пыхтя, с трудом втащили стол в комнату. Дядька вернулся на деревянную платформу, Николай снова задвинул кусок стены на место, и за ней снова загрохотало.

Стас обменялся с Буряком понимающим взглядом. Перехватившая их молчаливый диалог Лилия засмеялась и, не ожидая приглашения, уселась за стол, жестом пригласив Николая занять место рядом с ней.

– Вы пока ешьте, а я объясню все Стасу.

Да неужели?! Видимо, вчера это сделать было никак невозможно: требовалось непременно сначала представить его этой троице...

– Знаешь, в каком году родился наш Коленька? Ты проглоти сначала, а потом я скажу.

Стас послушно проглотил кусок прекрасно прожаренного – а точнее, прекрасно недожаренного – мяса и посмотрел на Коленьку.

– Он у нас одна тысяча восемьсот пятого года рождения.

Как ни странно, Стас сразу ей поверил: все, что он видел сейчас вокруг себя, вполне сочеталось с ее дикими словами.

– Он писатель. Здесь, между прочим, оказался еще при Пушкине.

Тут Стас поперхнулся и воззрился на Николая с куда большим уважением. Тот грустно склонил голову и подтвердил:

– Да-да, молодой человек. И даже имел честь быть знакомым с вашим великим поэтом...

– Но дело не в этом, – прервала его Лилия. – Будем честными: Коленька когда-то БЫЛ писателем.

– А как можно перестать быть писателем? – удивился Стас.

С Николая мгновенно слетел весь его аристократизм, и он рявкнул вполне по-современному:

– Да вот можно, блин! Все, что хотел, написал, а фантастику вашу писать не обучен! А тут... о чем тут писать-то?! Ничего ж не происходит!

Лилия безжалостно продолжала:

– С Олегом все еще проще. Он у нас, видишь ли, романтик... Весь мир есть любовь, только влюбленный имеет право на звание человека, без любви жизни нет и прочее в том же духе. Молчи, Олег! – она на корню пресекла попытку бородатого пупса что-то возразить и мотнула головой в сторону Стаса. – Если он нам не поверит, ничего не выйдет!

– Да что вообще может выйти-то? – скептически покачал головой Буряк, но Лилия была неумолима:

– Сначала наш милый мальчик Олежка пытался влюбляться в кого ни попадя. А попадал он все время в какое-то дерьмо. А потом ему, понимаешь, понравился миф о Галатее. Ты можешь себе представить, чтобы взрослый умный человек воспринял бы этот миф всерьез?! Тогда посмотри, – и она ткнула пальцем в ставшее совершенно несчастным лицо Олега. – Вот он – поверил! И лет сорок назад появился здесь со своей Галатеей.

Она замолчала, с непонятым выражением лица глядя на Олега, который грустно водил пальцем по стоявшей рядом с ним маленькой тумбочке на гнутых тонюсеньких ножках. Та, бедная, пошатывалась и охала под напором увесистого пальца. Лилия сокрушенно усмехнулась и продолжала, не сводя глаз с огромного печального пупса, воевавшего с тумбочкой:

– Ты не думай, он на самом деле вовсе не такой идиот, как тебе могло показаться. Он у нас вообще великий химик. Правда, теоретик, так что когда что-нибудь смешивает, обычно половину пробирок бьет. И про все остальное в жизни мало что понимает – потому в Галатею и поверил. Можешь догадаться, что было дальше?

Стас мог представить себе несколько вариантов современного развития древнего мифа, но ни в одном из них не был уверен настолько, чтобы вмешаться в страстный монолог Лилии. Однако голос неожиданно подал сам Олег:

– Надоела она мне просто до судорог, – тоскливым басом поведал он.

Все это время хранивший молчание Буряк решил внести свою лепту:

– Нет, она, конечно, хороша как картинка, весела как птичка, покладиста как... как раскладушка – в общем, обладает всеми возможными достоинствами. И учится всему легко. Даже помогает теперь Олегу в работе – вот только он уже лет тридцать ее видеть не может. Живет то у одного, то у другого, а домой приезжает только поработать – да и то с ней не встречается. Видать, в глубине души все с самого начала понимал: лабораторию себе придумал в подвале.

– Там такой подвал... – мечтательно протянул Олег, отстав наконец-то от тумбочки. – Считай, минус пятый этаж...

– Коля, ты же у нас знаток человеческих душ? Так объясняй! Видишь, как он удивлен? Тоже, наверное, в Галатею до сих пор верит... – саркастически кивнула Лилия в сторону действительно мало что понимавшего Стаса.

– А что тут объяснять? – пожал плечами Николай, снова наполняя свою чашку чаем. – Не может творение быть больше творца, вот ведь беда какая... Все, что его любимая могла, вложил в нее он. И все, чему она потом научилась, тоже дал ей он. А поскольку он знал про нее, получается, все, то говорить с ней ему было не о чем. Вот и все. Банальная история. Никакой Галатеи. Не может быть любви, когда человек тебе не интересен. Страсть – пожалуйста, но это ж недолго...

Дав Стасу минуту на осмысление услышанного, Лилия требовательно спросила:

– Веришь теперь, что им здесь все обрыдло? Ты с твоим вирусом для них, можно сказать, просто манна небесная. Правду я говорю, дорогие мужчины? – Лилия даже бровью не повела в сторону, но Олег с Николаем все-таки кивнули. – Не врала я тебе? Все по-честному?

Подумав немного, Стас вынужден был признать:

– По-честному.

И тогда Лилия отбросила вилку, которую на протяжении всей своей речи напряженно вертела в руках, поднялась и перешла на другую сторону стола – так, чтобы видеть всех троих говорунов.

– Все это я говорила для него. Чтобы не считал, что его втемную используют. А теперь буду говорить для вас.

Она повернула голову к Стасу, пристально глядя на его правый висок, и провозгласила:

– Итак, господа, мы все живем здесь столько лет, что он в это даже не верит. Кстати, – на секунду обратилась она к Стасу, – к твоему сведению: я здесь тоже уже около ста лет. Мы с вами все знаем про парцелов с инфинитом на левом виске. А теперь – внимание, вопрос: что вы, господа, можете сказать про парцелов с инфинитом на правом виске?

Она подошла к Стасу и очень эротичным движением обвела его давно уже переставшую зудеть пурпурную восьмерку, интимно глядя ему в глаза. Стас не очень понимал, как полагается отвечать на сексуальные заигрывания особы более чем ста лет от роду, поэтому на всякий случай смущенно отстранился.

Лилия снова отвернулась к своим друзьям и так же томно поинтересовалась:

– Так что вам, мои славные друзья, известно про таких парцелов?

Николай недоуменно пожал плечами:

– А что тут скажешь? Лично я таких не видел. Боюсь, Олег тоже.

Бородатый пупс согласно закивал: ясное дело, он таких тоже не встречал. Буряк продолжал молча истово таращиться на Лилию.

– Ну и о чем нам это говорит? – настойчиво продолжала она.

Все четверо смотрели на нее с разной степенью непонимания в глазах, но, похоже, Стас был удивлен меньше всех. Может, за последние дни он просто отвык сильно чему-нибудь удивляться? Как говорят физиологи, запредельное торможение. Удивляешься, удивляешься, удивляешься – а потом устаешь удивляться. Сил удивляться больше нет.

– Черт вас дерит! – с досадой воскликнула Лилия. – Он – особый, вы разве не понимаете?! С ним все должно быть как-то по-другому, чем с нами!

– И как именно – по-другому? – иронически осведомился Николай.

– Так то-то и оно, что неизвестно. А значит, может быть все что угодно. Например, он может найти карты Галилея... – вкрадчиво проговорила Лилия и умолкла, выжидаяще глядя на говорунов. Те какое-то время ошеломленно молчали, потом, как по команде, все сразу повернулись и воззрились на Стаса.

Он пометался взглядом между четырьмя обращенными к нему лицами и озадаченно спросил:

– А что такое «карты Галилея»?

Все четверо по очереди переглянулись, будто передавая друг другу невидимую эстафетную палочку, но заговорил, помявшись, Буряк: видимо, за все, что касалось естественных наук, в этой компании отвечал именно он.

– Прости за краткую лекцию... – откашлявшись, проговорил он. – В общем, все здесь началось с Галилея. Это он нашел... ну, или создал... этот мир. Сидел под домашним арестом после своего отречения – вот и придумал. Почему-то мне кажется, что ему под этим арестом не нравилось. Мечтал о другом – вот здесь и оказался.

– Случайно попал или специально оказался? – уточнил Стас, слабо веря своим ушам.

– Да кто ж теперь поймет?! – Буряк недоуменно вздернул брови, отчего вся его обильная легкая шевелюра затрепетала. – Просто известно, что он был первым. И не спрашивай, откуда! Прими как данность: это так.

– То есть он до сих пор здесь живет?! Насколько я знаю, тот Галилей, который... короче, земной Галилей ведь с собой не покончил? Лет до восьмидесяти прожил, по-моему. Значит, морталом он точно не стал?

– Морталом не стал, а жив ли... Опять же – кто знает? Вирусом с тех пор прошло много, а жил он отшельником... Так что неизвестно. Может, жив, а может, и умер. Все-таки почти четыреста лет прошло. Да и какая разница?! Все равно никто не знает, где его искать.

Стас судорожно пытался собрать воедино копошившиеся в голове обрывки мыслей, потом поспешно ухватился за возможность задать еще один вопрос:

– А причем здесь карты-то?

Буряк прошелся по комнате и постоял у окна, глядя на сиреневые закатные облака. Наконец он резко повернулся, засунув руки в карманы, и торжествуя цокнул языком:

– Вот тут-то и начинается самое интересное... Считается, что он разработал теорию, которая позволяет перемещаться между всеми нашими Землями.

Всеми?! Да что ж это такое: что ни ответ, то сто новых вопросов! Может, просто перестать спрашивать? Но остановиться Стас уже не мог:

– И сколько же этих... наших Земель?

– Обычно речь идет о трех: та, которая бывшая наша, здешняя Другая Земля – и Третья. То есть та, которая от Другой Земли отстает еще на одну минуту, а от бывшей нашей – соответственно, уже на две. Больше мы, честно говоря, про ту Третью Землю ничего не знаем. Но если можно отстать от реальности на одну минуту, то можно, наверно, и на две, и на пять...

Стас поразмыслил немного и медленно подытожил:

– То есть если найти Галилея и получить от него эти ваши карты, то можно и на нашу Землю вернуться, и еще на какую-нибудь попасть? До сих пор никто Галилея не нашел, вы даже не знаете, правда все это или нет, но ты, Лилия, считаешь, что именно я могу это сделать?! Причем только потому, что у меня этот шрам дурацкий не на том виске?

– Ну, если ампутировать твои избыточные эмоции, то именно это я имею в виду, – хладнокровно подтвердила Лилия.

– А зачем их вообще искать?

– А ты у Олега спроси, – невинно подсказала Лилия. – У него дружок тут один есть, Парамонов...

– И что Парамонов? – задиристо поинтересовался Стас.

Олег долго хмыкал, чесался, вертелся на стуле, но потом все-таки сообщил:

– Парамонов врач, – и снова наглухо замолчал.

– Давай-давай! – с досадой поторопила его Лилия. – А то такими темпами мы все здесь ночевать останемся.

Олег снова принялся чесаться и хмыкать. Буряк засмеялся и перехватил инициативу:

– Понимаешь, Парамонов считает, что нашел средство от рака.

– А он его действительно нашел? – с сомнением уточнил Стас.

– А как узнаешь-то? Парцелы раком не болеют, морталов здесь вообще не так много, да и не особо они нас в свою жизнь пускают... Конечно, если всех морталов на Другой Земле посчитать, то, может, их целая куча наберется, но куда ж не добраться! Ты сам видишь, на чем мы перемещаемся... Вот Парамонов и рвется на бывшую нашу Землю, чтобы свое средство проверить. А еще есть Паша с Верочкой. Они тоже... ладно, ты у нас гуманитарий, тебе не понять. Объясню проще: среди нас есть много тех, кто, не задумываясь, снова стал бы смертным – только на Земле, чтобы сделать там то, что они здесь напридумывали. Да можно сотню людей тебе перечислить, которые по разным причинам душу бы за карты Галилея отдали. А ты говоришь – зачем их искать...

Сиреневые облака за окном стали синими, и Лилия вдруг засобиралась:

– Ладно, друзья мои, пора закругляться. Стас скоро лопнет от избытка информации. Вы себя-то вспомните в его положении! Хватит с мальчика на сегодня.

Стас попытался было обидеться на «мальчика», но потом сообразил, что, если вся эта фантазмагория – правда, то по сравнению с ними никем другим он быть попросту не может.

Буряк резюмировал:

– Мы свяжемся с остальными и все обсудим. Кто-то захочет остаться бессмертным здесь и не станет общаться с ним, – он не слишком приязненно мотнул головой в сторону Стаса, – кто-то будет готов стать морталом и умереть здесь, а кто-то понадеется на карты. Пусть сами решают.

– Буряк, – осторожно позвала Лилия, – а, Буряк? Ты бы сделал ему какое-нибудь средство передвижения. Сам знаешь, ему теперь опасно... А когда они сообразят насчет инфинита справа, станет-то еще опаснее.

Ну конечно, все всё знают, все всё понимают – одному Стасу ничего знать и понимать не обязательно. Возят, как пацана сопливого, носом по паркету...

Буряк пристально посмотрел Лилии в лицо и нехотя кивнул.

Николай, так и не вставший со своего стула, подал голос:

– Кстати, собираться нам лучше будет у него в институте – чтобы ему лишний раз не выходить.

Все молчаливыми кивками выразили свое согласие, даже не подумав поинтересоваться у Стаса, согласен ли он устраивать какие-то неведомые собрания в том единственном месте, где сейчас он мог чувствовать себя хоть в какой-то безопасности.

Вздыхнув, он нехотя поплелся к двери, но вдруг опомнился:

– Эй, стоп, так не пойдет! Вы тут все здорово придумали, что я должен для вас сделать... Мне-то с этого что? У меня, между прочим, тоже свой интерес имеется... Может, о нем поговорим?

– Да что про него разговаривать? – невозмутимо пожал плечами Буряк, неожиданно взявший на себя функции лидера, хотя с самого начала ничто не предвещало такого поворота событий. – У тебя, небось, целый список скоро будет, что тебе нужно от нас? Так вот будет список – отдашь его мне, я поговорю с людьми. В конце концов, им же надо чем-то заниматься, чтобы в небо не плевать, верно?

Стас, в очередной раз почувствовав себя олигофреном, жалобно посмотрел на Лилию. Та весело засмеялась и, проходя мимо него, вдруг ласково погладила его по плечу:

– Не грусти, все поймешь со временем.

...Пока все рассаживались по своим транспортным средствам, Стас с любопытством ждал, как будет решаться не очень понятный вопрос с его безопасностью: неужели мужчины позволят Лилии снова выступать в роли его телохранителя?

К его удивлению, никаких сомнений на этот счет ни у кого не возникло. Буряк, правда, спросил у Лилии:

– Ты его проводишь? – но было заметно, что вопрос задается исключительно для порядка.

Лилия молча кивнула, нежно оглаживая свою Подругу по сливочной гриве и исподволь наблюдая за тем, как Стас справляется с яхтой – хотя ему и было не совсем понятно, почему, собственно, эта хитроумная конструкция именуется яхтой.

Все распрощались с вышедшим их проводить Николаем и разъехались от ворот усадьбы в разные стороны.

На этот раз Лилия, завораживавшая Стаса своим грациозным силуэтом на фоне сумеречного неба, не пустила кобылу в галоп, а медленно вела ее шагом наравне с плавно скользящей яхтой. Он все время бросал на Лилию косые взгляды, пытаясь понять, расположена ли она к продолжению объяснений. В конце концов она коротко хохотнула и предложила:

– Спрашивай, не мучайся.

– Да вопрос-то пока один, – замялся Стас. – Почему меня нужно так уж сильно охранять?

– Молодец, – похвалила его Лилия. – Нужный вопрос задал. Про остальное сам додумаешься. Помнишь, ты спрашивал, зачем Кайрату нужны орудия, если почти все тут – бессмертные? Мог бы, конечно, и сам догадаться, ну да ладно. Видишь ли, любым оружием можно не только убить. Можно еще ранить или даже сильно изувечить. А лечить парцелов не получается. Во всяком случае, пока не получается. Парамонов и прочие пытаются, конечно, что-то придумать, но...

– То есть если парцела ранить, он будет мучиться от боли всю оставшуюся жизнь?! – сообразил Стас. – Точнее, вечно?

– Именно так, – тоскливо подтвердила Лилия.

Какое-то время, пока Стас искал у себя в голове подходящее место для нового кусочка информации, они ехали в молчании. К вечеру поднялся легкий ветерок, и Стасу уже не приходилось качать педаль, надувая парус: яхта сама скользила по земле – хотя и не слишком быстро. Кобылу Лилии явно возмущало столь медленное передвижение, и она время от времени издавала короткое негромкое ржание, намекая своей хозяйке, что галоп был бы куда лучше. Но Лилия уверенной рукой придерживала Подругу рядом с яхтой: видимо, догадывалась, что неминуемо должно последовать продолжение. И оно, конечно же, последовало:

– А почему тогда для меня эта опасность больше? – наконец догадался удивиться Стас.

– Давай так: я тебе объясню в двух словах, и ты меня сегодня больше пытаться не будешь.

Что-то я устала.

– Ладно, давай так, – тяжело вздохнул Стас.

Можно подумать, у него есть возможность не согласиться!

– Морталы – единственные, кто имеет какие-то связи с бывшей Землей, – начала Лилия, и Стаса передернуло: как легко они тут все назначают Землю бывшей!

– Некоторые из них способны вмешиваться в происходящее там, – Лилия говорила с большой неохотой, хотя причин этого Стас никак не мог взять в толк. – Значит, при необходимости они могут подтолкнуть чей-то земной прототип покончить с собой. Не всегда, конечно, им это удается, но иногда... Понимаешь?

– Пока нет, – честно признался он.

– Да чего ты не понимаешь-то?! – с досадой воскликнула Лилия. – Этого же достаточно, чтобы кого-то здесь сделать морталом!

– И тогда его можно будет убить? – медленно произнес он. – Так?

Все так же нехотя Лилия кивнула.

И тут до него дошло.

– Если меня изувечить, то я сам не захочу вечно мучиться и буду умолять морталов, чтобы они... Я на Земле покончу с собой, я здесь стану морталом, проживу очень недолго, и риска заразиться больше не будет. И что, морталы меня вот так возьмут и послушаются?

– Может, послушаются, может, нет, – пожалала плечами Лилия. – Но часто в таких случаях они помогают.

– Ничего себе помощь! – возмутился Стас.

– Стас, ты не понимаешь! – горестно воскликнула Лилия и осеклась, сразу став отстраненной и настороженной.

– Конечно, не понимаю! – обозлился Стас. – Вы же все тут в дворцовые тайны играете!

Он помолчал немного, ожидая ответа, но довольно скоро понял, что дожидаться бессмысленно: Лилия больше ничего не скажет.

Тогда он начал работать педалью, и яхта понеслась вперед. Позади раздался гортанный гик Лилии, Подруга обрадованно рванула в галоп и скоро обогнала яхту. Пришлось ему что было сил гонять педаль туда-сюда, чтобы не слишком отставать.

Спустя полчаса они подъехали к институтскому парку, и вдруг Лилия резко осадилась на лошадей. Стас от неожиданности не сразу сообразил затормозить и подлетел почти к самым воротам, едва не врезавшись в группу стоявших там людей. Он услышал, как у него за спиной Лилия снова резким возгласом послала Подругу в галоп и через секунду оказалась рядом с ним, повелительно крикнув:

– Стас, назад!

Стас шарахнулся в одну сторону, люди – в другую, и Лилия на Подруге врезалась между ними.

Люди заволновались, заговорили между собой, и тут же от них отделился высокий тощий немолодой мужчина с печальными еврейскими глазами и заговорил:

– Лилия, не волнуйтесь! Все в порядке, мы не причиним ему зла. Мы просто хотим, чтобы он с нами поговорил.

– Зачем? – надменно спросила Лилия, твердой рукой удерживая разгоряченную Подругу, норовившую кружиться на месте.

Вышел еще один, широкоплечий и приземистый, и ухватил лошадь за поводья, чтобы помочь Лилии удержать ее на месте. Лилия властно положила руку ему на лоб и приподняла к себе его лицо. Он посмотрел ей в глаза и спокойно произнес:

– Ты сама знаешь, зачем.

– Идиоты! – с досадой выкрикнула Лилия. – Подождите немного, все изменится! Куда вы спешите?!

Тощий и печальный усмехнулся:

– Я здесь триста восемнадцать лет... Что здесь может измениться? Не хочу больше.

– Сейчас – может! – с отчаянной убежденностью воскликнула она. – Вы же не все знаете! Широкоплечий осторожно взял Лилию за запястье и снял ее руку со своего лба.

– Не надо, – мягко сказал он. – Не мешай. Это наше дело.

Лилия соскользнула с седла и заговорила с мягкой убедительностью:

– Хорошие мои, вы мне верите? Я прошу вас: подождите несколько дней! Я обещаю, если у меня ничего не получится, я сама вам об этом скажу. Тогда вы будете общаться с ним, обниматься, целоваться – что хотите! Тогда заражайтесь, умирайте, если хотите – но сейчас-то подождите! Вы же меня знаете, я не буду вам врать.

Стас за крупом возбужденно топчущейся Подруги тщетно пытался уловить суть переговоров. Пока у него имелось только одно предположение, и это предположение ему очень не нравилось: ожидавшие его люди рвались пообщаться с ним как с носителем смертельно опасного для них вируса, а он вовсе не стремился выступать в роли эвтанатора.

В конце концов Лилии удалось-таки убедить людей, и они по одному начали отходить от ворот. Напоследок широкоплечий, уходя прочь, сказал:

– Помни, Лилия, ты обещала. Три дня. Потом ты нам не указ.

Она, глубоко вздохнув, кивнула и долго смотрела им вслед. Потом медленно повернулась к Стасу, который до сих пор держал своевольную яхту за мачту, как за горло.

– Все понял? – устало спросила она.

Стас неопределенно покрутил головой:

– Более или менее. Не понял главного: что это за великие изменения ты им обещала?

Она долго смотрела ему в глаза, потом мягко улыбнулась и сказала:

– Не сейчас. Сначала я должна сказать об этом всем нашим. Если они со мной не согласятся, то и тебе это знать будет ни к чему. Правда, ни к чему, поверь! Просто смысла не будет.

Стас бесстрастно кивнул и уже собрался было уходить, но спохватился:

– А как ты доберешься до дома со всем... этим? – и он очертил пальцем большой круг, в который вошли Подруга и яхта.

Лилия расхохоталась, весело крикнула:

– Подруга, домой! – и перехватила у Стаса длинную шею мачты. – Иди, отдыхай. У тебя был еще один тяжелый день. И поверь – еще не самый тяжелый.

...Когда Стас вошел в кабинет (почему-то он так и не мог заставить себя попытаться переночевать в общежитии), ему сразу бросился в глаза лист бумаги на его столе, которого там не было, когда он уходил. Он помедлил у двери, пытаясь оценить, готов ли он сейчас еще к каким бы то ни было сюрпризам или все-таки стоит взять себя за загривок и насильно отвести в общежитие. Как ни странно, даже в этих обстоятельствах любопытство победило, и он осторожно подошел к столу.

Уже через секунду он облегченно обругал себя пугливым ослом. На столе лежала пачка исписанных листов, явственно демонстрирующих, что экторов он себе все-таки намечтал толковых: это и был тот самый список задач, который в самом ближайшем будущем надо будет передать Буряку. Тот, в свою очередь, отдаст его говорунам, те с радостью возьмутся за обучение его, Стасовых, физиологов и культурологов... Потом их всех можно будет с успехом использовать по их прямому назначению, Стас с головой нырнет в долгожданные исследования, необходимость выходить из института отпадет в принципе, можно будет не париться насчет морталов, сумасшедших малбонов, карт Галилея и прочих здешних непонятностей...

Стоп. Один раз уже домечтался. Лучше оставаться в рамках реальности – пусть даже и здешней. Может, Лилия и права: не стоит погружаться в такое море новизны с разбегу. Стас никогда не относился к людям, которые в обычное, земное холодное море врываются с разбегу: он предпочитал медленно, постепенно приучая разные части своего тела к новой температуре, вдвигаться в холодную воду...

Поэтому перед сном он просто наскоро пробежал список – судя по всему, сведенный воедино все тем же незаменимым Артемом, – остался им совершенно доволен и провалился в сон.

Заговорщики

... Пробуждение оказалось не таким сладостным, как засыпание: Стаса изо всех сил тряс за плечи Артем. Стас, с немалым трудом продрав так и не выпавшиеся глаза, обнаружил на лице своего нового помощника плохо скрываемую тревогу.

– Подымайся, Стас! – очень серьезно сказал тот, увидев, что шеф начал постепенно приходить в себя. – Там какие-то люди.

– Где? – Стас рывком сел, от чего образовавшиеся его кровать кресла немедленно разъехались, позволив ему провалиться между ними на пол.

Артем, видимо, был встревожен не на шутку, потому что даже не заметил затруднительного положения шефа и не сделал ни единой попытки помочь ему выбраться из кресельной западни. Стас, чертыхаясь, все-таки выпростался из плета, распахнул кресла в стороны и начал в спешке натягивать джинсы.

– У ворот парка большая толпа, – напряженно сообщил Артем.

– Чего хотят?

– По-моему, тебя.

– Шумят сильно? – уже выскочив в коридор, поинтересовался Стас. Все-таки хорошо быть начальником: нет возможности пугаться, теряться и рефлексировать – надо что-то делать. Даже если понятия не имеешь, что именно делать, да и вообще, действительно ли это надо.

Когда Стас пару дней назад метался по всему институту в поисках компьютера с выходом в интернет (надо же, каким он был наивным...), он заприметил на третьем этаже окно, из которого видны были ворота в парк. Сейчас он решил сначала подняться к этому окну и провести хоть какую-то разведку, прежде чем самому соваться к непонятной толпе. Он с крайним смущением поймал себя на том, что очень сожалеет об отсутствии Лилии. Хотя... Можно ведь отнестись к ее провожаниям и по-другому: она для него – не телохранитель, а этакий сталкер, знающий об окружающем пространстве на много порядков больше, чем сам Стас. И сейчас без этого сталкера ему придется, судя по всему, очень несладко...

Артем без лишних вопросов последовал за начальником, весьма несолидно скакавшим по лестницам через две ступеньки.

Вид из окна Стаса не слишком обрадовал: у ворот стояло не меньше сотни человек. Правда, никаких угрожающих действий они не предпринимали, а просто стояли, сосредоточенно глядя на дорожку, ведущую от ворот внутрь парка. То, что они не делали ни одного шага внутрь, обнадеживало: были бы у них недобрые намерения, вряд ли они вели бы себя столь уважительно по отношению к границам чужой территории.

Чуть переместившись вдоль окна влево, Стас совсем озадачился: сбоку от ворот стояло две палатки, в которые время от времени заходили люди и выходили оттуда кто со стаканом, кто с булкой. Они что – лагерем здесь решили встать?! И сколько же они собираются его, Стаса, ждать? Во всяком случае, никакие другие возможные цели такой осады Стасу в голову не приходили.

– Видишь? – тревожно спросил Артем. Вопрос был совершенно лишним, поскольку видели они оба одно и то же.

– Вижу, – огрызнулся Стас. – Агрессию не проявляют, ждать собираются до последнего. Видимо, дешевле выйти.

– Выйти?! – изумился Артем. – Ты понятия не имеешь, зачем они здесь, и собираешься к ним выйти?

– Да есть у меня кое-какие подозрения... – пробормотал себе под нос Стас и решительно направился к лестнице. Артем, помедлив секунду, покорно двинулся следом.

Однако осуществить свой героический план Стасу не удалось. Как только они с Артемом вышли в парк, сразу стало ясно, что ситуация изменилась: тишина у ворот сменилась шумом, не слишком миролюбивыми криками и какими-то странными стукающими звуками.

Стас остановился, прислушался и вздохнул:

– Пошли обратно.

Они снова взбежали на третий этаж и прильнули к окну. Вновь открывшийся вид очень напоминал знакомую Стасу картину разгона какой-нибудь воинствующей демонстрации: теперь к прежней толпе добавилась еще одна, оснащенная чем-то, похожим на полицейские щиты. Вторая толпа была, похоже, даже многочисленнее первой и постепенно оттесняла первопришельцев от ворот. Строго говоря, новоприбывшие вообще не выглядели толпой: слишком уж слаженно они действовали. Палатки были уже снесены, но никаких следов применения грубой физической силы не наблюдалось; первую толпу просто неуклонно отодвигали все дальше и дальше от входа в парк.

Никакого объяснения новому положению вещей Стас уже не находил. Зато теперь он не видел и никаких причин выходить из здания. Вообще-то дела у него найдутся и здесь – небось, не на один день хватит. У Лилии, помнится, были какие-то наполеоновские планы на его, Стаса, счет? Вот пусть она сама и отыскивает возможность с ним связываться, включать его в эти планы, подталкивать к поиску каких-то мифических карт Галилея... В конце концов, ему-то что?! Если он отсюда выходить не будет, никакие увечья ему не страшны. А если морталы начнут строить свои козни по отношению к тому Стасу, который остался на Земле – что ж, ничего тут не поделаешь.

Стас продолжал уговаривать себя целый день – но время от времени, когда его воля ослабевала (или, наоборот, крепла), он испытывал острейшее любопытство и даже нетерпение: не могла же Лилия так и не узнать о том, что произошло у ворот парка?! А это значит, что рано или поздно она появится здесь, и он узнает что-нибудь еще.

...Ближе к вечеру Лилия действительно появилась – причем не одна, а в сопровождении Буряка. Стас почувствовал легчайший укор ревности и страшно изумился: если бы неделю назад кто-нибудь сказал ему, что он способен ревновать столетнюю (или даже старше?) бабушку хоть к кому-то – интересно, как бы он отреагировал? Хотя, честно говоря, меньше всего Лилию тянуло назвать бабушкой – даже сейчас, когда выглядела она не просто усталой, а совершенно измученной. Не более отдохнувшим казался и Буряк.

Арте́м, в тот момент вместе со Стасом корпевший над планом будущей преподавательской деятельности говорунов, изумленно воззрится на вошедших. Наверное, он вопреки своей очевидной интеллигентности еще долго бы их рассматривал, но Буряк с уверенной властью попросил его выйти. Стас вскинулся было возразить (вот еще! кто смеет отдавать приказания его собственным экторам?!), но Артем куда быстрее самого Стаса сообразил, кто здесь сейчас самый главный, и немедленно исчез.

Стас проглотил свое возмущение и безмолвно направился к чайному столику.

– Мне, пожалуйста, чай. Если есть, то черный, – невозмутимо сообщил Буряк и привольно расположился в одном из кресел у камина.

Стас перевел вопросительный взгляд на Лилию, но та только кивнула. Пока грелись чайник и кофемашина, Стас выяснял, чем порадует его холодильник-самобран.

Холодильник оказался достаточно щедрым, чтобы накрыть вполне достойный стол для двоих усталых людей. Впрочем, все-таки для троих, поскольку в своих научных заботах Стас тоже порядком утомился.

Проглотив пару бутербродов, до сих пор не произнесшая ни одного слова Лилия заговорила:

– Через час подойдут остальные. Мы там внизу всех предупредили.

– Кого это – «всех»? – подозрительно спросил Стас.

– Так твои люди уже организовали дежурство по всей территории, – пояснил Буряк. – Правильно, между прочим, сделали. Ты не знал?

Стас этого действительно не знал и потому ненадолго задумался, разозлиться ли на Артема за самоуправство или обрадоваться его способности принимать самостоятельные решения. Выбрал второе и успокоился. В самом деле, мало у него других поводов для беспокойства?!

– Я нарочно хотела приехать пораньше, чтобы кое-что тебе объяснить. Всем остальным давно известно – так зачем отнимать у них время?

Стас, внимательно глядя на нее, дожевывал четвертый бутерброд.

– Понимаешь, мы здесь все, считай, все равно что в эмиграции. А в любой эмиграции люди оказываются по трем причинам. Одни ищут безопасности. Скажем, на родине их полиция ищет или еще кто-то нехороший... Кстати, те, кто говорит, что едет за безопасностью, потому что в его стране страшный разгул преступности – всегда врет.

– Это ясно, – вздохнул Стас. – Где взять страну без преступности?

– Вот-вот. Таких здесь мало – можно сказать, почти нет. Пара-тройка малбонов. Да и то... Согласись, это ведь только наши предположения... Кто ж может знать, чего хочет отшельник или тем более малбон?! Отшельник живет по принципу «Спрячусь от того, кто хочет меня видеть», а малбон – по принципу «Стреляю в того, кто хочет меня видеть». Вот мы и строим насчет них свои фантазии. Почти ни про кого из них даже не известно, как их зовут. Просто между собой мы называем Кайрата Кайратом, а Арсения – Арсением.

Стас машинально потянулся за следующим бутербродом, но оказалось, что последний утянул с блюда Буряк.

– Другие едут за колбасой. За пособием по безработице, на которое можно жить, не вставая с дивана, за хорошими зарплатами, за спокойной жизнью... Даже за холодильником, в котором все нужное появляется само. Это ведь все равно за колбасой, правда?

Стас яростно заглотнул целый кубометр воздуха, чтобы возмутиться, но Лилия остановила его мягкой улыбкой:

– Успокойся, я не про тебя. Ты – третий тип. Как и все они, – и она кивнула в сторону Буряка, завершившего свою трапезу и пребывавшего в благостном покое.

– Они?! – удивился Стас. – А ты? Ты-то какого типа?

Лилия с затаенной усмешкой посмотрела на него и бесстрастно сообщила:

– Вообще-то я – приорка, если ты еще не заметил.

У Стаса в голове все опять перемешалось, и он ошалело замолчал.

– Не пугайся, я не из клана приоров. Есть такие приоры, которые члены клана, а есть такие, которые приоры просто по своему характеру. Такие, которые уверены, что они все знают лучше других, что у них больше прав, чем у других, что они не имеют права ошибаться и должны быть совершенными... Таких очень много среди говорунов, потому что они и правда умные. Таких наверняка достаточно среди отшельников и малбонов. Здесь все мы оказались потому, что в прежней жизни были уверены: есть такая реальность, где наше исключительное превосходство над всеми прочими наконец-то станет очевидным и всеми признанным. За превосходством над другими или за колбасой – разница невелика. Так что весь клан приоров без исключения – второй тип. Ну, еще итеры.

– Это еще кто такие? – бессильно пробормотал Стас.

– Ну, Стас, ты же лингвист, – укоризненно протянула Лилия. – Это – едоки. Они все – те, которые «за колбасой», причем в чистом виде. Им достаточно, чтобы все, чего они могут захотеть, у них появлялось само. К счастью, хотеть многого они не умеют, поэтому практически безвредны. И, наконец, третий тип – это те, кто эмигрирует куда бы то ни было, чтобы заниматься тем, чем у себя дома они почему-то заниматься не могут. Все говоруны – такие. Даже те из них, которые в душе приоры. И ты такой. Твой волшебный холодильник нужен

был тебе только для того, чтобы ничто тебя не отвлекало от твоих драгоценных исследований. Видишь, у тебя здесь даже какое-то отдельно взятое электричество имеется, потому что оно тебе нужно для опытов. Кстати, все дричи – тоже такие. Они хотели иметь возможность жить простой жизнью на природе, обеспечивать себя за счет собственных усилий и так далее. Они это получили, как и говоруны. Как и ты. Это – первое, что я хотела тебе объяснить. Все ясно?

– Неясно только, почему ты с говорунами, – проворчал Стас.

Лилия засмеялась:

– Э-э, нет. Это сейчас неважно, поэтому об этом мы говорить не будем. Пока не будем, – утешила она Стаса и продолжила: – А теперь – второе и самое главное. А главное – это то, что мы все здесь идиоты. Полные и окончательные идиоты.

Буряк в своем кресле как-то очень недовольно крикнул, но развивать свое негодование не стал. Лилия покосилась на него, но сбить себя с темы не дала:

– Никто из нас здесь счастливым так и не стал. Приоров здесь сотни, именно поэтому никто из них так и не получил окончательного подтверждения своей исключительности, величия, неограниченной власти и всего такого. Дричам и итерам скучно. Как ни странно, даже отшельникам и малбонам скучно, – и она замолчала, глядя на Стаса.

Он немного подумал и обратился к Буряку:

– А вам-то здесь чем плохо? Ты вон изобретаешь какие-то потрясающие штуки вроде тефлоновой яхты – чего тебе-то не хватает?

Буряк с Лилией переглянулись, потом Буряк с непонятым вздохом сказал:

– Всем чего-то не хватает. Николая помнишь? Ему, получается, писать не о чем, потому что здесь ничего не происходит. Парамонов не может опробовать свое лекарство от рака, да и не нужно оно тут никому. Олег уже понял, какие сумасшедшие новые технологии за это время появились на Земле, знает, как он мог бы их использовать – но где ему взять оборудование? Я тебе могу этот список до завтра продолжать, но ты ведь все равно никого не знаешь. Причина – в одном: здесь никогда ничего не меняется.

– Тем и плохо исполнение мечты, – философски прокомментировала Лилия. – Потом уже ничего не меняется.

Стас снова подумал и рассердился:

– Ладно, на отвлеченные темы мы поговорили. Вы за этим ко мне сегодня приехали?

Лилия поднялась из своего кресла и грациозно, по-кошачьи потянулась.

– А это не отвлеченные темы, – протянула она. – Совсем даже не отвлеченные. Вот ты, небось, думаешь, что Олег у нас такой... странненький потому, что он – великий химик?

Стас счел за лучшее промолчать, потому что все, что он на этот счет думал, было еще неблагозвучнее.

– Так вот нет. Когда Олег здесь появился, он был совсем другим. Он был веселый, обаятельный, у всех наших дамочек при нем взгляд сразу становился и мечтательный, и охотничий одновременно.

Стас изо всех сил постарался себе это представить. Лилия покосилась на его наморщенный от усилий высоченный (увы, из-за бритого черепа) лоб и тоскливо скривила губы:

– Лет десять назад Виссарион...

– Это еще один придуток-малбон, – подсказал Буряк, заметив недоумение в глазах Стаса.

– Так вот Виссарион очередной раз взбесился от скуки и начал палить из своих пушек. Пушки у него древние, поскольку живет он здесь лет триста... Как так получилось, никто не понял, но ядро от чего-то срикошетило и шарахнуло Олега по голове.

– Очередной раз? – на всякий случай уточнил Стас, уже начиная понимать, к чему клонит Лилия.

– На моей памяти это была восьмая волна скуки, – жестко сказала Лилия. – Николай говорил, что двадцать какая-то. Если у долгожителей спрашивать, то, может, и сотая, кто

знает... И во время каждой такой волны народ буквально с ума сходит и начинает калечить друг друга почем зря. А ты уже знаешь, чем это заканчивается: искалеченные парцелы должны мучиться вечно. Соответственно, те, кто обречен мучиться вечно, намного чаще обрываются в отчаяние, начинается новая волна... В общем, геометрическая прогрессия, если я правильно употребляю этот термин.

Ста задумался совсем уж надолго, а потом безнадежно спросил:

– Я так понимаю, что еще не все, что ты хотела мне рассказать?

– Не все. То, что происходило вчера у твоих ворот, ты видел сам. Сегодня орудия на крепости Кайрата начали стрелять прицельно, хотя безобидный итер Даня обходил его крепость дальними путями. А Кайрат здесь не так давно, его орудия покруче будут, чем у Виссариона, так что Дане перешибло ноги. Наша Цветана чуть-чуть его, конечно, подлечила, но...

– Это – начало новой волны, – не столько спросил, сколько подытожил Стас.

Тут в коридоре послышался шум многих шагов. Лилия, не пошевелившись, скосила напряженный взгляд в сторону двери, а Буряк медленно и, казалось, расслабленно-валяжно поднялся из кресла.

Дверь распахнулась, и вошла целая толпа. Стас пробежал взглядом по лицам, но опознать сумел только Олега с Николаем. Других было человек пятнадцать – самого разного возраста, в различных одеяниях и с весьма не похожими повадками. Кто-то без малейшего стеснения расположился за Стасовым начальственным столом, кто-то застыл у двери в нерешительности, другие расселись на ближайших к двери стульях. Стас понял, что пришло время сыграть роль гостеприимного хозяина, и начал рассаживать особо стеснительных. Расслабившийся Буряк уже вступил с кем-то в оживленную беседу, а Лилия молча наблюдала за всем этим хаосом со стороны.

Когда все свежеприбывшие наконец-то разместились в кабинете (отчего тот показался куда меньше, чем представлялся Стасу до сих пор), Лилия неторопливо прошла к столу, и все тут же стихли.

– Привет всем, – негромко сказала Лилия. – У нас есть две главные новости, хотя вы, скорее всего, эти новости уже знаете. Новость плохая: начинается новая волна. Новость хорошая: наш новый парцел отличается от нас всех, и, значит, мы можем рассчитывать на что-то, чего раньше никогда не было. Вот он, кстати, – и она кивнула в сторону внезапно засмущавшегося Стаса. – Прошу любить и жаловать: Станислав Киреев, альтернативный лингвист.

– Ты забыла, Лилия, еще одну новость, – подал голос невысокий человек в солидных годах со странным мелким лицом, все части которого, казалось, находились не на своих местах. – Этот Стас с инфинитом справа – вирусоносец, и мы все сейчас рискуем заразиться.

– Вы все об этом прекрасно знали – и все-таки пришли, – хладнокровно ответила Лилия. – Зачем тогда говорить еще и об этом? Или я не права, Юра?

Человек со спутанным лицом, названный Юрой, с некоторым неудовольствием умолк. Буряк, предусмотрительно усевшийся рядом со Стасом, тихонько шепнул тому на ухо:

– Это Юрка Зинин, историк. Точнее, альтернативный историк. Твой собрат. Умница, но Лилию терпеть не может.

Лилия сейчас выглядела невероятно спокойной и уверенно-властной, и все остальные, похоже, полностью признавали за ней право безраздельно владеть всеобщим вниманием.

– Я хочу сказать вам по этому поводу две вещи. Первая: раз уж он чем-то отличается от нас, то, возможно, именно он способен найти карты Галилея. Во всяком случае, у нас есть хоть какие-то основания на это надеяться.

Народ начал взволнованно переговариваться. Буряк, пользуясь паузой, продолжал свои пояснения:

– Почти все здесь – говоруны. Есть только двое дричей: Женечка, – и он украдкой указал подбородком на молодую девушку со слегка потусторонним взглядом, – и Марк. Это вон тот, у которого волосы дыбом.

Стас с трудом сдержал смех, посмотрев в ту сторону, куда указывал Буряк: у солидного мужчины лет сорока, сидевшего там, густые темные волосы действительно наводили на мысль об электрошоке, как Стас его себе представлял.

К этому моменту возбужденные переговоры между гостями прекратились, и все снова внимательно уставились на Лилию, которая в своем на этот раз узком черном одеянии без единого цветового пятна возвышалась над всеми, будто грозная валькирия.

– Второе – и самое главное. Мы не знаем, чего ждать от его правого инфинита. Это позволяет нам ждать всего, что нам так необходимо – во всяком случае, пока не подтвердилось обратное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.